

ОЛЕГ БУДНИЦКИЙ

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Олег Будницкий
Красные и белые

«НЛО»

Будницкий О. В.

Красные и белые / О. В. Будницкий — «НЛО»,

Гражданская война закончилась сто лет тому назад, но страсти по ней не утихают и вряд ли утихнут в обозримом будущем. Осмысливая постигшую их социальную катастрофу, каждый из враждующих лагерей породил собственный исторический нарратив и собственную плеяду героев. Сегодня почти все они – и белые, и красные – утратили романтический ореол: обе противоборствующие стороны продемонстрировали в этом конфликте редкостную жестокость. Книга Олега Будницкого посвящена героям Гражданской войны с обеих сторон: она состоит из биографических очерков о лидерах красных и белых, коллективных портретов наиболее известных воинских соединений тех и других, из «моментальных фотографий» Красной армии в 1918 году и «белого Крыма» осенью 1920-го, когда Русская Вандея доживала последние дни. Поверхностному взгляду и демонизации/романтизации этих исторических персоналий автор противопоставляет анализ мотивов и логики действий ключевых исторических фигур, попытку увидеть в них живых людей, вынужденных делать нелегкий политический и нравственный выбор, а также пожинать плоды своих поступков и преступлений. Олег Будницкий – доктор исторических наук, профессор, директор Института советской и постсоветской истории НИУ ВШЭ, автор многочисленных исследований по истории XX века.

© Будницкий О. В.

© НЛО

Содержание

ОТ АВТОРА	5
АДМИРАЛ КОЛЧАК, ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ	8
ЛЕВ ТРОЦКИЙ – ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ	20
ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ	26
ГЛАЗАМИ ВРАГА: КРАСНАЯ АРМИЯ, ГОД 1918-Й	32
ГЕНЕРАЛ АНТОН ДЕНИКИН	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олег Будницкий

Красные и белые

ОТ АВТОРА

Гражданская война закончилась сто лет тому назад. Страсти по истории Гражданской войны не утихают и вряд ли утихнут в обозримом будущем. «Комиссары в пыльных шлемах» утратили свой романтический ореол: как выяснилось, чтобы привести доставшуюся им часть человечества к светлому будущему, они нагромоздили горы трупов. Из лучших, конечно, побуждений. Заменить красных на белых в героическом пантеоне тоже не слишком получается: их белые одежды оказались заляпанными в крови и грязи не в меньшей степени. Припоминаю эпизод, случившийся во время презентации моей книги «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957» на книжной ярмарке в Красноярске. Я рассказывал среди прочего о финансовых проблемах правительства адмирала Колчака. И вдруг какая-то женщина, вне всякой связи с моим рассказом, воскликнула: «А вы знаете, что они здесь творили?» Они – колчаковцы, белые. В этом было что-то личное, возможно, семейная память.

Попытки примирения, признания того, что в Гражданской войне правых не было, не особенно успешны. День примирения и согласия с полным правом можно переименовать в День раздора: чем ближе к этому искусственному изобретению, тем ожесточеннее споры о нашем непредсказуемом прошлом. Останки генерала Антона Деникина, одного из самых видных вождей Белого движения, в 2005 году перезахоронили на родине, в Донском монастыре в Москве. Российское государство на траурной церемонии представлял бывший офицер КГБ Георгий Полтавченко. Позднее там же перезахоронили генерала Владимира Каппеля. Недалеко от них, за стеной монастыря, на Донском кладбище в «Общей могиле № 1 невоинно погибших прахов» покоятся останки бывшего подполковника Александра Егорова, разгромившего войска Деникина, и бывшего поручика Михаила Тухачевского, громившего войска Колчака. Обоих, уже Маршалов Советского Союза, расстреляли «свои». Адмирала Колчака не перезахоронишь: труп расстрелянного в спешке адмирала был спущен в прорубь в устье реки Ушаковки, и останки его покоятся где-то на дне Ангары.

Адмиралу Колчаку поставлен памятник в Иркутске. Воздвигнутый частным предпринимателем в Стерлитамаке бюст Колчака местные власти оперативно снесли. В Омске памятник адмиралу стоит на углу у входа в ресторан «Колчакъ»: натурально, название с твердым знаком на конце. Пивоваренный завод «Адмирал Колчак» в Иркутске производит пиво «Жигулевское колчаковское» и квас «Колчаковский». Без консервантов! Мемориальную доску, установленную в 2016 году на доме в Петербурге, в котором с 1906 по 1912 год жил адмирал Колчак, почти сразу демонтировали. Смольнинский районный суд удовлетворил иск нескольких жителей города о признании незаконным постановления правительства Петербурга о ее установке. В своем иске заявители ссылались на то, что адмирал Колчак считается военным преступником. В 1999 году суд Забайкальского военного округа признал его не подлежащим реабилитации; это подтвердил Верховный суд Российской Федерации. Как ни относиться к личности и деяниям адмирала Колчака, неясно, какие материалы рассматривали судебные инстанции – ведь адмирал был расстрелян без суда, а раз не было судебного решения, непонятно, как с формальной точки зрения можно его реабилитировать или не реабилитировать.

Остров Колчака, находящийся в Таймырском заливе Карского моря, с 1939 по 2005 год назывался островом Расторгуева, по имени урядника Степана Расторгуева, участника экспедиции барона Эдуарда Толля, открывшей остров в 1901 году. Колчак служил в экспедиции гидрографом, и остров первоначально был назван в его честь. Пятнадцатого июля 2005 года

постановлением Правительства Российской Федерации «О переименовании географического объекта в Карском море» острову было возвращено имя Колчака.

Так войны памяти обернулись войнами с памятниками. В этом отношении мы на планете не одиноки. Со времени окончания войны между Севером и Югом в США прошло более полутора столетий, но когда после убийства афроамериканца Джорджа Флойда волнения полыхнули по всей стране, дело быстро дошло до сноса памятников конфедератам, удалением их портретов из Конгресса и ликвидацией где бы то ни было неосторожно вывешенных флагов Конфедерации.

В начале 1960-х годов в популярнейшей книжной серии «Жизнь замечательных людей» (твердая валюта черного книжного рынка, ведь в СССР мало-мальски интересные книги были в дефиците, включая книги о красных командирах) вышла книга «Герои Гражданской войны», одна из настольных книг моего детства. Много лет спустя, работая над монографией о судьбе так называемого «золота Колчака», я обнаружил, что часть вырученных от продажи золота денег была направлена эмигрантским Советом российских послов на создание фонда пособий семьям героев Гражданской войны. Терминология в противоположных лагерях была одинаковой – вот только герои разные.

Этим разным героям и посвящена настоящая книга. Она состоит из биографических очерков о некоторых лидерах красных и белых, из «коллективных портретов» наиболее известных воинских соединений обеих сторон – Добровольческой армии белых и Конармии красных. Еще один коллективный портрет посвящен бывшим офицерам и генералам царской армии, служившим в армии Красной, так называемым военным специалистам. Собственно, они-то и сделали Красную армию боеспособной и занимали в ней львиную долю высших командных постов, чтобы позднее быть смытыми со страниц истории. В коллективной памяти бывших офицеров и генералов, из которых состояли практически полностью Полевой штаб Реввоенсовета Республики и ее высшее командование, заместили выходцы из рабочих и крестьян вроде Клим Ворошилова и Василия Чапаева. Над формированием этой ложной памяти потрудились сотни историков, писателей, кинорежиссеров, в том числе весьма талантливых.

В книгу вошли «моментальные фотографии» Красной армии в 1918 году и белого Крыма осенью 1920-го, когда «Русская Вандея» доживала свои последние дни. Записка о состоянии Красной армии генерал-майора Бориса Геруа, сбежавшего из Петрограда в Финляндию, была составлена в январе 1919 года. Подробное письмо о посещении врангелевского Крыма в сентябре – октябре 1920-го принадлежит российскому послу в Париже Василию Маклакову. Важно, что оно написано 21 октября 1920 года, когда ничего еще, казалось, не было предрешиено, и его наблюдения и оценки не были отягощены знанием уже свершившегося, что в значительной степени искажает воспоминания, написанные годы спустя. Эти уникальные документы были обнаружены мной за океаном, в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии. Здесь находится крупнейшее собрание материалов о России за ее пределами, в том числе значительная часть архивов Белого движения.

В книгу включена также глава о Самуиле Маршаке, позволяющая понять, почему он пропускал в автобиографиях период Гражданской войны. Ибо в это время он публиковал не стихи для детей, а весьма ядовитые стихотворные фельетоны в периодике белого Юга, где изрядно доставалось и большевикам. К примеру, когда стало понятно, что Германия терпит поражение в Первой мировой войне, он не преминул напомнить, каким образом Ленин и его соратники прибыли в Россию в апреле 1917-го, и «посоветовал» им отправиться обратно:

*В Кремле тревожный снится сон
Вождем советских банд...
«Где пломбированный вагон.*

Бежим – нах Фатерланд!»

Времена меняются, и теперь в упомянутой выше серии «Жизнь замечательных людей» вышли биографии Колчака и Деникина, да что там – императора Николая II! Основатель серии А. М. Горький, наверное, перевернулся бы в гробу, узнай он, какие люди относятся теперь к «замечательным». Заменить одних героев другими несложно. Сложнее объективно (недостижимая мечта, но надо к этому стремиться) оценить их мотивы и логику действий, понять, что они были за люди. Насколько удалось это автору книги – судить читателям.

АДМИРАЛ КОЛЧАК, ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ

Хотя адмиралу Колчаку его соратники присвоили громкий титул «Верховный правитель России», в реальности колчаковцы контролировали Сибирь, некоторое время Урал, формально – Дальний Восток. На самом деле целые районы были под властью атаманов Семенова, Калмыкова, некоторых других. Дальний Восток де-факто контролировали японцы. Ситуация была сложная. Материальные ресурсы Колчака были весьма ограничены, да и по своим личным качествам адмирал никак не подходил на роль Верховного правителя. Почему же именно он, Александр Васильевич Колчак, оказался в этой роли? И почему именно он прежде всего ассоциируется с понятием российской контрреволюции?

Я думаю, судьба уготовила ему такую участь, потому что он был наиболее известным, авторитетным и уважаемым человеком из тех, кто оказался во главе Белого движения. Это был человек «с биографией».

Колчак и без «белой Сибири» остался бы в истории. Не в таком качестве и не со столь громкой известностью, но Колчак, если предположить, что он вдруг скончался в 1917 году, наверняка попал бы во все советские энциклопедии. Причем в качестве «положительного героя». За заслуги не столько на военном, сколько на научном поприще – в качестве исследователя полярных морей.

Начнем, однако, сначала. Фамилия Колчак турецкого происхождения. По семейному преданию, Колчак был потомком Колчак-паши, турецкого военачальника, сдавшего крепость

Хотин русским войскам. Это было в царствование Анны Иоанновны. В Турцию Колчак-паша не вернулся – понятное дело, быть бы там ему бесславно посаженным на кол.

Не сразу Колчаки оказались на российской службе, не сразу были причислены к российскому дворянству. Скорее всего, это произошло после второго раздела Польши, когда один из Колчаков оказался записанным в русскую службу. Был ли он прямым потомком Колчака-паши или не был – история умалчивает, но потомки считали, что был. Будем и мы так считать. В роду Колчака были сплошь военные, а его отец, Василий Колчак, участвовал в обороне Севастополя в Крымскую войну, был ранен, пленен, и вся его жизнь была связана с армией и военной промышленностью. Он работал и служил на артиллерийском заводе, но продвигался по службе довольно медленно, генерала получил лишь по выходе в отставку, но после еще полтора десятка лет заведовал там лабораторией и слыл прекрасным специалистом по артиллерийскому делу.

Александр Васильевич Колчак родился в 1874 году в селе Александровском Санкт-Петербургского уезда. Он с детства увлекался географией, интересовался военно-морским делом. И совершенно не случайно, оставив гимназию, поступил в Морской кадетский корпус. Здесь, в отличие от гимназии, где успехами не блистал, учился отлично. Однако первое место в списке лучших сам уступил своему товарищу, поскольку был возмущен, что тому снизили баллы за дисциплинарный проступок. У него было обостренное чувство справедливости, он считал, что кадета должны оценивать прежде всего по достижениям в науках. По иронии судьбы его одноклассником в гимназии был некоторое время Вячеслав Менжинский, впоследствии известный чекист, – узок был круг этих революционеров и контрреволюционеров. Выйдя из корпуса в чине мичмана, Колчак отправился в плавание, как и положено военному моряку. Плавал в разных морях и океанах и на разных судах. При этом весьма увлекался науками – в первую очередь океанологией и гидрологией. Будучи человеком увлеченным и романтичным, он попросился в русскую полярную экспедицию барона Эдуарда Васильевича Толля, знаменитого полярного исследователя.

Экспедиция барона Толля собиралась на поиски земли Санникова, легендарной земли, которую русский промышленник Яков Санников вроде бы открыл еще в начале XIX века. Позднее разные люди тоже говорили о некоей земле, но обнаружить землю Санникова никак не могли. Надеюсь, что многие читатели знакомы с романом Владимира Обручева «Земля Санникова» или хотя бы видели одноименный фильм и понимают, о чем идет речь. В романе, вышедшем в 1926 году, некий морской офицер докладывает о поисках земли Санникова. Имя этого офицера не называется, но это, несомненно, Колчак – в 1926 году о нем уже невозможно было писать вне «контрреволюционного» контекста. И вряд ли кто-то из миллионов советских школьников, читавших этот увлекательный роман, подозревал, что на первых же страницах встречается с тем, кто был известен им как враг и контрреволюционер.

Русская полярная экспедиция барона Толля была чрезвычайно увлекательной, в значительной мере авантюрной и даже фантастичной, особенно по меркам нашего времени. Толль и его товарищи отправились на яхте «Заря» в Карское, затем – в Сибирское море, известное также как море Норденшельда, а ныне море Лаптевых. Экспедиция продолжалась два с половиной года! Две полярные зимовки... Бывало, что Колчак с Толлем на собаках отправлялись верст на пятьсот вглубь Таймырского полуострова, добывая себе пропитание охотой и рыболовством. Били перелетных птиц и непуганых животных, никогда не встречавшихся с человеком. Одному из островов, который был ими обнаружен в ходе экспедиции, Толль дал имя Колчака. Впоследствии его переименовали в остров Расторгуева, сейчас имя Колчака ему возвращено.

Завершилась экспедиция трагически. Барон Толль считал, что они своей цели не достигли, раз земля Санникова не обнаружена. Толль не хотел признавать, что земля Санникова – миф. Возможно (по одним данным), это было скопление ископаемого льда, которое со

временем растаяло, или (по другой версии) айсберги, которые наблюдатели приняли за горы. Так или иначе, раз землю Санникова они не нашли и не прошли Северным морским путем, получалось, что экспедиция была неудачной. И Толль, несмотря на то что экспедиция провела огромное количество наблюдений, замеров, собрала важнейшие сведения (потом они печатались многие годы отдельными выпусками), решил провести исследования острова Беннета. Толль остался на острове с несколькими спутниками. Как оказалось, навсегда...

Яхта «Заря» не смогла пробиться к берегам острова Беннета. Экспедиция вернулась в Петербург без своего начальника. О случившемся доложили в Русском географическом обществе, Академии наук. Было решено отправиться на поиски барона Толля. Экспедицию в Арктику возглавил лейтенант Колчак. Она была отчаянная. Плыли на вельботе (узкой весельной шлюпке), ночевали на льдинах.

Как бы то ни было, Колчак добрался до острова Беннета. Там он нашел записи Толля (которые были впоследствии изданы), его полевой архив, однако следы самого барона затерялись. Возможно, он увлекся научными изысканиями и слишком далеко отошел от места стоянки, предполагая, что успеет вернуться, и не смог. Возможно, Толль со спутниками попытался выбраться на материк. Но следов их так и не нашли. Было ясно, что все они погибли.

Для Колчака эти экспедиции были лишь началом. Впоследствии он выпустил монографию «Лед Карского и Сибирского морей». Это фундаментальное научное исследование. Колчака приняли в действительные члены Русского географического общества, наградили Константиновской медалью. Кстати, штришок из личной жизни: когда он с товарищами возвращался на Большую землю из экспедиции по поиску барона Толля, кто-то прислал им провизию и вино. Кто же? Некая молодая дама. Все были поражены. Оказалось, приехала невеста Колчака Софья Омирова, с которой он все не мог обвенчаться, поскольку постоянно находился в разъездах. Софья совершила это фантастическое путешествие за Полярный круг, чтобы прислать гостинцы своему возлюбленному. В Иркутске они обвенчались. Но медового месяца не получилось, поскольку началась Русско-японская война и Колчак тут же отправился на театр военных действий. Ему довелось воевать в Порт-Артуре. Вначале он командовал миноносцем, потом – береговой артиллерийской батареей. Сражался мужественно, но был ранен и оказался в японском плену. Из плена был отпущен под обязательство более не принимать участие в войне. Через Америку Колчак добрался до Петербурга. В царской России отношение к пленным было совсем не таким, как при советской власти, когда бывшие пленные словно носили на себе клеймо. В начале XX века это были герои. Вернувшись из плена, Колчак узнал, что награжден орденом и золотой саблей – за храбрость.

Война закончилась для российского флота печально: он был, по существу, уничтожен, особенно тяжелыми были потери в Цусимском сражении в мае 1905 года. Стало понятно, что нужно реорганизовывать систему управления флотом и строить новый флот. Офицеры объединялись в кружки, обсуждали проблемы возрождения русского флота. Вот они, ростки гражданского общества! Колчак вошел в один из таких кружков, видимо, в Центральный санкт-петербургский – так он официально назывался. И был весьма активным деятелем кружка, одно время даже его председателем. Это движение не было изолированным или нелегальным – кружок собирался с разрешения начальства.

Офицеры пришли к заключению, что необходимо создать Морской генеральный штаб, который бы занимался стратегическим планированием и разработкой общей программы реорганизации русского флота. Так думали не только офицеры, но и государственные деятели, в частности депутаты Государственной думы, в том числе весьма активно занимавшийся военными вопросами Александр Иванович Гучков. Кончилось тем, что Морской генеральный штаб

был создан. И Колчак поступил туда на службу в качестве заведующего отделением русской статистики. Тогда же он написал военно-теоретическую работу «Какой нужен России флот», опубликованную в 1908 году в «Морском сборнике». Колчак рассуждал в ней о флоте, подчеркивал его значение. Это было важно потому, что исторически российский флот был слабым, его руководство находилось в руках не имевших к нему отношение людей и в войне он рассматривался в качестве вспомогательного средства.

Напомню, что во время одной из Русско-турецких войн в конце XVIII века русская эскадра под командованием адмирала Григория Спиридова обошла вокруг Европы и вошла в Средиземное море, потеряв по дороге половину судов. Многие моряки умерли в походе от болезней. В Чесменскую бухту, где стоял турецкий флот, корабли вошли в плачевном состоянии. У русских моряков был только один выход – атаковать, в противном случае они были бы тут же уничтожены. Императрица Екатерина II, имевшая смутное представление о состоянии российского флота, писала одному из своих послов: «Если Богу угодно, увидишь чудеса». Приведя ее слова, В. О. Ключевский с присущей ему иронией писал: «И чудеса уже начались, одно было налицо: в Архипелаге нашелся флот хуже русского». Он имел в виду флот турецкий.

Великой морской державой Россия никогда не была. Флот воспринимался здесь как нечто второстепенное и в начале XX века. К примеру, Балтийский флот во время Первой мировой войны был подчинен командующему Северным фронтом, конкретно – генералу Николаю Рузскому. Когда в 1917 году выясняли мнение старших военачальников по поводу отречения императора Николая II, командующего Балтийским флотом спрашивать не стали, поскольку он по должности подчинялся командующему Северным фронтом. Не спросили и Колчака, хотя Черноморский флот, которым он в то время командовал, был подчинен непосредственно Ставке, то есть был более самостоятельным, чем Балтийский, а должность Колчака соответствовала уровню командующего фронтом. К тому же ему подчинялась еще и созданная по его инициативе Отдельная черноморская морская дивизия (об этом – позднее). Сухопутные военачальники и даже некоторые морские теоретики считали, что флот должен защищать берега и морские базы, то есть выполнять сугубо оборонительные задачи. Колчак же был убежден, что флот должен проводить активные наступательные действия и играть самостоятельную роль. В чем был безусловно прав. Колчак настаивал на постройке мощных и в то же время быстроходных судов. Ошибся он лишь в оценке роли подводных лодок, считая, что они тихоходны, «слепы», поскольку обзор у них крайне ограничен, а потому не могут представлять собой серьезную силу. Так было в 1908 году. А уже в Первую мировую стало очевидным, что крупные, мощные суда – те же дредноуты – далеко не самые успешные и удобные в морских сражениях, важнее всего оказались маневренность и оснащенность судов поражающими средствами.

Реализацию программы морских офицеров тормозил Совет государственной обороны, который возглавлял великий князь Николай Николаевич, не придававший большого значения флоту; именно он не переводил бюджетные ассигнования на его модернизацию. Однако благодаря личной поддержке императора Николая II и Государственной думы программа была в конце концов утверждена, хотя и в несколько усеченном виде по сравнению с той, какую разработали военные моряки.

Возвратившись к полярным исследованиям, капитан 2-го ранга Колчак вновь отправился в экспедицию. Он был назначен командиром ледокольного судна «Вайгач», на котором совершил переход из Петербурга через южные моря в Арктику, а оттуда во Владивосток. Однако через год Колчак вернулся в военно-морской флот; свою блистательную военную карьеру он продолжил на Балтике. Миноносцы, минное дело – вот чему он себя посвятил, став в этой области крупным теоретиком и практиком.

Когда началась Первая мировая, Колчак проявил себя как отличный начальник минной военно-морской дивизии. Балтийским флотом тогда командовал выдающийся флотоводец адмирал Николай Оттович фон Эссен. Парадокс российской истории: Эссен был этническим немцем и блестящим русским военно-морским офицером, который обеспечивал прикрытие Петрограда от мощного немецкого флота. Колчак как ведущий специалист минного дела принимал самое активное участие в разработке плана минирования Финского залива. Впоследствии он даже побывал в Соединенных Штатах Америки, где делился с союзниками своими знаниями минного дела.

На Балтике Колчак руководил атаками на транспортные суда, которые вывозили в Германию железную руду из Швеции. Швеция оставалась нейтральной, но при этом торговала с Германией и поставляла ей железную руду, в которой та весьма нуждалась. Колчак со своими миноносцами потопил пять судов противника, включая несколько транспортных, надолго задержав транспортировку руды. Но и это не все. Колчак организовал десант в Рижском заливе, сорвав тем самым наступление немецких войск на Ригу. Проявив себя талантливым военачальником, в один прекрасный день он неожиданно получил извещение о том, что его назначили командующим Черноморским флотом с производством из контр-адмиралов в вице-адмиралы. В морской иерархии выше был только чин полного адмирала; впоследствии он станет одновременно адмиралом и Верховным правителем России.

Перевод на Черное море Колчак воспринял с большим интересом. Перед ним поставили весьма серьезную задачу. В состав турецкого флота входили два мощных современных немецких крейсера – «Гебен» и «Бреслау». Формально Германия продала их Турции, но де-факто это были немецкие крейсера, с немецким командованием и немецкими моряками. Колчаку следовало, во-первых, парализовать деятельность этих двух судов, во-вторых, способствовать осуществлению дерзкого плана: высадке десанта на Босфоре и захвату Константинополя. Это была вечная мечта... Но пришло время, и мечта стала преобразовываться в конкретный план. Однако Дарданелльская операция союзников завершилась колоссальной катастрофой для союзных войск и огромными потерями. В результате ее инициатор британский военно-морской министр (Первый лорд Адмиралтейства) Уинстон Черчилль подал в отставку, считая, что должен хотя бы так расплатиться за свою неудачно реализованную идею. И после всего этого – высадка на Босфоре. На первый взгляд, такая же авантюра.

Однако, похоже, это было не совсем так. Во всяком случае, в ходе Дарданелльской операции туркам пришлось несладко. К тому же их войска были сосредоточены в основном на Месопотамском фронте (в нынешнем Ираке) и на Кавказском, где они воевали против России. По данным разведки, получалось, что реально Босфор защищали две-три турецкие дивизии, не больше. По прибытии на место Колчак буквально через день повел свой флот в бой против «Бреслау» и отогнал крейсер от российских берегов, а впоследствии, поставив плотное минное заграждение при выходе из Босфора, буквально запер там немецкие крейсера. В рамках Черноморского флота под общим командованием Колчака была создана Морская дивизия, прообраз морского десанта. Начальником дивизии был назначен генерал Александр Свечин, известный военный теоретик и практик. Словом, планы и действия были вполне реалистичны и профессиональны. Однако расположение звезд и все остальное были против России. На дредноуте «Императрица Мария» неожиданно произошел взрыв. Это было совершенно новое судно, построенное на верфях в Николаеве в рамках программы переоснащения флота. Мощный дредноут – и вот в один несчастливый октябрьский день 1916 года он взорвался. Взрывов была целая серия, на судне начался пожар, и команда отчаянно пыталась его потушить. Более трехсот моряков погибли, и дредноут упокоился вечным сном на дне севастопольской бухты. Что случилось с «Императрицей Марией», до сих пор неизвестно. Колчаку приписывают высказывание, будто он как командующий флотом заинтересован в том, чтобы объяснить происшедшее случайным возгоранием пороха, однако сам понимает, что это была дивер-

сия. Однако, судя по обстоятельствам дела, диверсия представляется еще менее вероятной, чем самовозгорание пороха. Скорее всего, причиной катастрофы стала неосторожность членов команды.

По неписаным правилам чести в таких случаях все высшие чины, начиная с командующего флотом, должны были уйти в отставку, после чего следовало произвести разбирательство. Однако по настоянию военного министра разбирательство отложили до конца войны. Колчак находился в таком взвинченном состоянии, что, дабы его успокоить, лично Николай II и военный министр передали ему через одного из морских офицеров, что они не считают его виновным и полностью ему доверяют.

К февралю 1917 года Черноморский флот был в отличном состоянии, и Колчак пользовался колоссальным авторитетом. Это был военачальник, который жил у всех на виду, часто выходил в море, прекрасно знал матросов и младших офицеров и вел себя как храбрый и ответственный человек. Правда, человеком он был невыдержанным, нередко «топтал фуражку», иногда в буквальном смысле слова, мог устроить всем чудовищный разнос. Тем не менее в бытность свою командующим флота не подписал ни одного смертного приговора, что было редкостью для действующей армии. Февральскую революцию Колчак, как и многие другие военачальники, встретил если не с восторгом, то с пониманием. Он считал, что революция произошла вследствие неправильного ведения войны прежде всего высшими властями и что теперь ошибки будут исправлены. Собственно, так думало большинство образованного общества. Это был один из важнейших аргументов в объяснении необходимости революции: демократизация России должна была способствовать более эффективному ведению войны. Безумная мысль, что стало понятно довольно скоро.

У ныне не читаемого у нас замечательного политического писателя Карла Маркса в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» есть такая мысль: «Если вы на вершине государства играете на скрипке, то можете ли вы удивляться, что стоящие внизу пляшут?» Очень точно сказано! Некоторые российские политики были всерьез убеждены, что царский двор и люди, близкие ко двору, связаны с немцами. Шпиономания, охватившая верхи, приняла карикатурно-уродливую форму в «низах». Приведу один трагический эпизод. 4 марта 1917 года на линкоре Черноморского флота «Императрица Екатерина II» началось брожение: матросы требовали убрать офицеров с немецкими фамилиями. В ту же ночь часовой не пустил мичмана Фока в пороховой погреб, подозревая, что тот хочет устроить взрыв с целью отвлечь команду от революционных событий. В ту же ночь мичман Фок застрелился. Так по-своему в «низах» разыгрывалась пьеса, которую поставили наверху. Колчак разъяснил матросам «глупость и преступность» их действий. Команда просила прощения.

В отличие от Балтийского флота, где матросы с первых дней Февральской революции начали убивать офицеров, на Черноморском было относительно спокойно, что добавило популярности вице-адмиралу. Конечно, дисциплина падала, но все-таки дела обстояли лучше, чем в других местах.

В июне 1917 года это относительное благополучие завершилось драматическими событиями: матросы потребовали, чтобы офицеры сдали личное оружие. Один из офицеров застрелился, вице-адмирал Колчак выбросил свою саблю за борт. В основном же офицеры подчинились. Колчака вызвали в Петроград для объяснений, и он подал в отставку, так как в бунте обвинили не бунтовщиков, а его самого. Возможно, это был предлог, чтобы в такой взрывоопасный момент вытащить его из Севастополя.

Любопытно, что популярность Колчака на флоте по-прежнему была велика. Протоколы матросских и солдатских комитетов фиксируют: подавляющее большинство из них были против ареста командующего. Ему по-прежнему верили.

Убивать офицеров на Черноморском флоте начали позднее, уже в дни Октябрьской революции, и особенно в начале 1918 года, когда, по злому замечанию Колчака, они реабилитиро-

вали себя перед своими коллегами из Балтийского флота: начали наконец делать то, что делает чернь во время революции. Даже если эта чернь одета в матросские бушлаты и солдатские шинели.

Итак, вызванный Временным правительством для разбирательства, Колчак оказался в Петрограде. Любопытно, что именно в эти дни в суворинской газете «Новое время» появилась статья, в которой говорилось, что главе правительства князю Георгию Львову следует уступить свое место Колчаку и что именно Колчак должен быть назначен премьер-министром. Впервые высказывается идея, что Колчак – тот человек, который мог бы править Россией.

Оказавшись не у дел, Колчак воспользовался предложением американского адмирала Джеймса Гленнона совершить поездку в США, чтобы поделиться с американцами опытом «минной войны» на море и сведениями о турецких войсках на Босфоре. Гленнон приехал в Севастополь как раз во время матросского бунта, а в Петроград они с Колчаком ехали одним поездом. Американцы, похоже, планировали десантную операцию в Дарданеллах, и это весьма вдохновило Колчака. Он отправился в Штаты, сделав по пути остановку в Англии. Здесь его тепло принимали, и он впервые в жизни полетал на самолете, после чего отправил своей возлюбленной Анне Тимиревой восторженное письмо о том, какая это мощь – авиация.

В США выяснилось, что никаких реальных планов высадки десанта у американского командования не было. Тем не менее к Колчаку отнеслись с должным пиететом, его даже принял президент Вудро Вильсон. Колчака, очевидно, рассматривали не только как героя войны, но и как одну из самых заметных политических фигур в России, хотя на самом деле в этом отношении он ничего из себя не представлял. На родину Колчак отправился через Японию, где и узнал о большевистском перевороте и о том, что Россия заключила перемирие с немцами, а значит – вышла из войны. Несмотря ни на что, для Колчака война была главнее всего. Он был фанатиком войны, считая ее одним из высших проявлений человеческого духа. В нем, блестящем ученом, уживались военный практик и теоретик. Поэтому, узнав, что его страна вышла из войны, Колчак предложил свои услуги Великобритании. Через английского посла в Токио стал проситься на английскую службу – хотя бы рядовым. Его приняли и отправили на Месопотамский фронт, в нынешний Ирак, где в числе прочих сражались и русские войска. Однако пока Колчак был в пути, русские войска перестали принимать участие в боевых действиях.

Колчак добрался до Сингапура, где британцы посоветовали ему отправиться на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) и возглавить охранную стражу, по существу, вооруженные силы КВЖД, которые должны были, по их замыслу, стать ядром антибольшевистских военных формирований. Оттуда в апреле 1918 года и начался его путь борьбы с советской властью.

Начальником, царем и богом КВЖД был генерал Дмитрий Хорват. Специальных «железнодорожных» войск там не было. Колчак попытался создать такие войска, однако сразу столкнулся с серьезным сопротивлением. На протяжении всей своей деятельности в качестве лидера антибольшевистского движения Колчак постоянно сталкивался с противниками... среди союзников. Точнее, среди тех, кто как будто был союзником. С одной стороны – есаул Григорий Семенов, который очень скоро стал именоваться генералом и не желал подчиняться Колчаку, с другой – Хорват, которому не нравилась активность Колчака, явно отодвигавшего его на второй план. Не нравилось и то, что Колчака поддерживали британцы и другие иностранцы, которые ценили его волю, властность и всероссийскую известность. За Семеновым же стояли японцы, видевшие в нем свою марионетку. Кончилось тем, что Колчак отправился в Японию и пробыл там несколько месяцев. В Японии и прошел «медовый месяц» Колчака с его возлюбленной Анной Васильевной Тимиревой: жена и сын Колчака остались в Севастополе и впоследствии выбрались во Францию. Адмирал их никогда больше не увидит.

Осенью 1918 года Колчак вернулся в Россию и отправился на запад, желая присоединиться к Добровольческой армии. Однако по дороге задержался в Омске, где к тому времени

была сформирована всероссийская по названию, но чисто сибирская по сути власть. Уфимская директория, в основном эсеровская, и более правое Сибирское правительство объединились, образовав двуглавую гидру, причем между «головами» (Директорией, теперь уже Омской, и ее исполнительным органом – Всероссийским советом министров) не прекращалась борьба за власть. Тут-то и появился Колчак, которому предложили должность военного министра. Он в нее вступил четвертого ноября, а в ночь на 18-е произошел военный переворот. Лидеров Директории – эсеров Николая Авсентьева, Владимира Зензинова и Евгения Роговского, одного из членов правительства, заместителя министра внутренних дел, – арестовывают и на заседании правительства неожиданно (по официальной версии) предлагают Колчаку стать Верховным правителем. Колчак согласился, и подавляющим большинством голосов (13 за и 1 против) его избрали Верховным правителем России. Директория была распущена. Колчак, несомненно, знал о подготовке переворота: без предварительного согласования с кандидатом в диктаторы такие вещи не делаются. Жил он на квартире полковника Вячеслава Волкова, одного из тех казачьих деятелей, которые переворот осуществили; впоследствии, согласно условию его участия в перевороте, Волков был произведен в генерал-майоры. Так Колчак стал Верховным правителем и одновременно – полным адмиралом: высший морской чин ему присвоили на том же заседании. Получить в Омске, посреди Сибири, фактически от случайных и сугубо сухопутных людей чин адмирала и его принять – в этом уже чувствуется некоторое отсутствие вкуса.

В исследованиях о Колчаке принято утверждать, что диктатура для того времени и для той ситуации была эффективнее демократии. Да, в тот момент жесткая власть казалась более действенной, но ведь нам известно, чем все закончилось, – крахом режима. Идея третьего пути (революционного, но не большевистского), выдвигавшаяся сторонниками «демократической контрреволюции», не была реализована. В революционное время побеждают зачастую не те, кто лучше сумеет организовать армию, а те, кто сумеет убедить, увлечь, повести за собой массы. Мы знаем, что Колчаку и его сторонникам это как раз не удалось. По большому счету и боеспособную армию этим профессионалам военного дела создать не удалось тоже.

Так или иначе в конце 1918 – начале 1919 года, вплоть до весны, Колчаку сопутствовал успех. Кончилось же тем, что победили красные. Командовали войсками, которые в конечном счете нанесли поражение колчаковским генералам, Михаил Фрунзе и Михаил Тухачевский (мы поговорим о них позже). А история войск Колчака летом и осенью 1919 года – это история отступления с попытками контрнаступлений, иногда более или менее успешных. К осени обозначилась, по существу, катастрофическая ситуация на фронте. Но самым страшным было то, что почти вся Сибирь была охвачена повстанческим движением. Стихийно возникали партизанские и бандитские формирования. Не следует забывать, что Сибирь была местом ссылки и каторги, ссыльных и каторжных здесь хватало. И часто партизанами называли просто бандитов. Кроме того, в Сибири было немало столыпинских переселенцев, которые на новом месте отнюдь не процветали. Это была крайне ненадежная масса, которая ожидала большевиков и выступала против Колчака. Большевиков эти люди поддерживали просто потому, что в Сибири еще не испытали, что такое большевизм. А вот массовые порки, сожжение деревень, расстрелы и грабежи – все то, что учиняли некоторые колчаковские генералы и атаманы, – было на глазах. К тому же Колчак никогда не был реальным Верховным правителем даже Сибири. Забайкалье фактически контролировал Семенов, Чита была черной дырой, где в любой момент могли остановить поезд и ограбить пассажиров. Однажды Семенову удалось захватить эшелон с золотом на 43 с лишним миллиона рублей, который направлялся во Владивосток, откуда золото должны были доставить в Японию, под заем для поставок вооружения. Атаман остался совершенно безнаказанным, а захваченное золото пошло на содержание его войска.

Были в Сибири и атаманы «помельче» – Иван Калмыков, Борис Анненков, и на тех территориях, которые они контролировали, не действовала никакая иная власть. Наконец, вой-

ско Колчака было разношерстным, оно состояло из мобилизованных крестьян разных возрастов, казаков. Чехословацкий корпус, благодаря выступлению которого против большевиков в мае 1918 года советская власть рухнула от Поволжья до Дальнего Востока, со временем активную борьбу против большевиков прекратил, ограничиваясь преимущественно охраной Транссибирской магистрали. Чехи и словаки вели себя в зависимости от политической ситуации и своих собственных интересов. Поддержка ими Колчака стремительно падала: одним не нравилось жесточайшее подавление сопротивления режиму, другим, напротив, неэффективность диктатуры. Командующий американскими войсками в Сибири, охранявшими Транссибирскую магистраль, генерал Уильям Грейвс впоследствии писал в мемуарах, что никак не мог взять в толк, чем Колчак лучше большевиков: колчаковский террор не уступал по жестокости большевистскому.

Ресурсы Сибири не шли ни в какое сравнение с ресурсами европейской части России, в том числе человеческими. Большевикам было гораздо проще собрать массовую армию (ведь населения под их контролем было намного больше), а также обеспечить ее вооружением, одеждой и обувью. А потому большевики имели значительное численное превосходство. Поначалу оно компенсировалось лучшим руководством и организацией войск белых, однако со временем Красная армия обучилась, усовершенствовалась, набралась опыта. Сказалась и роль военных специалистов.

В результате Омск был оставлен, а Колчак на своем поезде, с охраной и золотым запасом, медленно продвигался на восток. Между тем на Транссибирской магистрали, да и по всей Сибири, вспыхивали восстания против Колчака, организованные в том числе эсерами, которые не могли простить Колчаку то, что сделали люди, которые привели его к власти. В итоге поезд с Колчаком был заблокирован на станции Нижнеудинск, а сам адмирал оказался во власти чехословаков и французского генерала Мориса Жанена, командовавшего всеми союзными войсками в Сибири, кроме японских.

Кончилось тем, что союзники в обмен на то, чтобы чехословакам и другим иностранцам дали свободно выехать с охваченных восстанием территорий, передали Колчака Политцентру – эсеро-меньшевистской организации, захватившей власть в Иркутске. Однако там очень скоро власть перешла к большевикам. Колчак передал власть генералу Антону Деникину, а на восточной окраине России – атаману Семенову, подрывавшему и подтачивавшему его режим. Колчак вместе с Тимиревой, которая добровольно последовала за ним, оказался в тюрьме. Колчака допрашивали, и опубликованные протоколы его допросов – ценнейший источник для его биографов, поскольку, понимая, что его ждет, Колчак подробно и откровенно рассказывал о своей жизни. Но рассказать до конца не успел. Седьмого февраля 1920 года, из опасения, что адмирал будет освобожден наступавшими на Иркутск остатками каппелевских войск, по решению Иркутского военно-революционного комитета Колчак и последний премьер-министр его правительства Виктор Пепеляев были расстреляны на берегу реки Ушаковки, близ ее впадения в Ангару. Поскольку вырыть могилу большевики заранее не позаботились, тела были спущены в прорубь. Так закончился жизненный путь адмирала Колчака. По другим данным, распоряжение о бессудном расстреле Колчака отдал Ленин.

Мог ли Колчак объединить антибольшевистские силы и реализовать идею, альтернативную большевистской?

Колчак не был сильным политиком. Как и другие лидеры белых, он не решился сделать самое важное для привлечения симпатий большинства населения страны – дать гарантии того, что земля, захваченная крестьянами, останется в их собственности. Не решился Колчак пойти и на признание независимости отделившихся от Российской империи «окраин». И тем самым лишился их поддержки в борьбе с большевиками. При всех привлекательных личных качествах Колчака – честности, принципиальности, смелости – многие современники отмечали его политическую наивность, неумение разбираться в людях, вспыльчивость.

Что стало с близкими Колчаку людьми? Анна Тимирева, которая была виновата лишь в том, что любила Колчака, каким-то образом оказалась на свободе, но ненадолго. Ее арестовывали снова и снова: в 1921-м, 1922-м, 1925-м, 1935-м, 1938-м. Восемь лет она отбыла в Карлаге. В 1949-м снова была арестована. Освобождена без права проживания в пятнадцати крупных городах СССР до 1960 года. Ее сын от первого брака с адмиралом Тимиревым был художником. В марте 1938-го его арестовали и в мае того же года расстреляли. В свои 23 года он был обвинен в том, что являлся пасынком Колчака, хотя Колчака ни разу в жизни не видел.

Софья Федоровна Колчак, законная вдова, жила в Париже и умерла в 1956 году. Сын Ростислав при поддержке соратников Колчака, бывших российских послов и некоторых французских общественных деятелей получил прекрасное образование; в 1939 году его призвали во французскую армию, хотя гражданство он получил только в 1947-м. В 1940-м, как и многие французские военнослужащие, Ростислав попал в плен, где пробыл до конца войны. Умер в 1965 году, когда ему было 55 лет. Внука адмирала – сына Ростислава и Екатерины Развозовой – называли в честь обоих дедов: дед по матери Александр Развозов тоже был адмиралом. Контр-адмирал Александр Развозов был последним командующим Балтийским флотом, в том числе в его последнем Моонзундском сражении в октябре 1917 года. Развозов пытался сотрудничать с большевиками. Двенадцатого марта 1918 года его назначили на должность начальника морских сил Балтийского моря. Однако уже 20 марта уволили «за нежелание считать для себя обязательными декреты Совета Народных Комиссаров и за отказ подчиниться Коллегии Морского Комиссариата». В 1918–1919 годах контр-адмирал работал в Военно-морской исторической комиссии при Морском архиве в Петрограде. В сентябре 1919 года он был арестован ВЧК по обвинению в участии в военном заговоре и 14 июня 1920-го умер в больнице тюрьмы «Кресты» от последствий операции по удалению аппендицита и отсутствия должного ухода. Колчак-внук окончил Сорбонну и женился на француженке. Отслужил во французской армии в Алжире, преподавал иностранные языки. Прекрасно рисовал и одно время работал карикатуристом в одной из французских газет. Несколько лет жил в США, где увлекся джазом. Трое его детей – сын и две дочери – живут в США. Александр Ростиславович Колчак скончался в Париже в 2019-м на 86-м году жизни. Вряд ли в роду Колчака остался кто-либо, кто говорит по-русски. Во всяком случае, без акцента.

ЛЕВ ТРОЦКИЙ – ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ

Многие помнят, что в третьем издании «Большой советской энциклопедии» слово «троцкизм» было, а самого Троцкого не было. И не только в «Большой советской энциклопедии», даже в специализированной энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» статья «Троцкисты» была, а статьи «Троцкий» не было, хоть он и был ни много ни мало председателем Реввоенсовета Республики. Так в СССР писали историю. В результате кто-то мог решить, что псевдоним «Троцкий» появился от термина «троцкизм».

Между тем воины Красной армии десятилетиями приносили присягу, не подозревая, что ее текст написан в 1918 году «врагом народа» Львом Троцким. Точно так же и орденосцы, кавалеры ордена Красного Знамени, понятия не имели, что этот орден придумал Троцкий, чтобы награждать людей, героически проявивших себя в боях с белыми, и дизайном ордена он занимался лично.

Мы будем говорить сегодня о Троцком как об организаторе Красной армии, не выходя за эти рамки, иначе просто утонем в событиях и подробностях жизни этого человека. Я надеюсь, что в основных чертах биография Троцкого известна читателям, и они представляют себе, кем был этот человек.

Став в марте 1918 года наркомом по военным и морским делам (наркомвоенмором), а затем и председателем Реввоенсовета Республики, Троцкий очень быстро отказался от идеи Карла Маркса о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа. И стал строить армию по тому единственно возможному образцу, по которому она строилась во всем мире, то есть на регулярной основе. Что входило в понятие регулярной армии?

Прежде всего – принцип принудительности, то есть мобилизация, призыв, а не добровольчество. Во-вторых, дисциплина. И в-третьих – использование военной науки и ее носителей, то есть бывших офицеров и генералов. Вот на этой основе Троцкий и начал строить регулярную армию.

На самом деле Красная армия родилась не в феврале 1918 года (по советской традиции 23 февраля мы отмечаем День защитника Отечества, хотя ничего славного для Красной армии в этот день не случилось), а в августе 1918-го, в боях под Свияжском, под Казанью. Это сражение стало, по словам американского историка Уильяма Чемберлена, «Вальми русской революции». Напомню, что возле деревушки под названием Вальми 20 сентября 1792 года армия революционной Франции разбила войска интервентов.

Когда в начале августа под Казань прибыл Троцкий, он застал разрозненные отряды, в панике отступавшие под ударами меньших по численности, но намного лучше организованных войск Народной армии Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), которыми командовал подполковник Владимир Каппель. И из этого, по сути, сброда – в данном случае слово «сброд» если и преувеличение, то небольшое – нужно было создать боеспособную армию.

Какими методами строилась Красная армия, как она создавалась? Каковы были стимулы? Как всегда – кнут и пряник. Едва прибыв на место, Троцкий издал приказ о создании концлагерей для паникеров, дезертиров и изменников делу революции. Особо провинившихся предполагалось расстреливать.

То, что Троцкий не шутил, выяснилось очень скоро. Этот случай ему припоминали потом всю оставшуюся жизнь. Один из полков в панике погрузился под Казанью на корабль, направляясь в Нижний. Под пушками миноносцев полк вынудили вернуться на берег, командир и комиссар были расстреляны, а вместе с ними, как писал Троцкий в мемуарах, «известное число» красноармейцев. Позднее утверждали, что был расстрелян каждый десятый, что напоминало децимации в Древнем Риме, но так ли это было на самом деле, неизвестно. Таким

образом была восстановлена смертная казнь, против которой столь активно в 1917 году боролись большевики. Троцкий писал:

Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массу людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые и бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади.

Так он и действовал. Отсюда идея заградотрядов, которые появились уже в конце 1918 года. Это не было изобретением Троцкого, такова практика всех армий мира. Армии не состоят сплошь из героев, беззаветно готовых идти на пулеметы. Основная масса – обычные люди. Чтобы человек шел на смерть, на пулеметы, орудия противника и минные поля, он должен быть уверен, что если повернет назад, то его там ждет верная смерть. А впереди, может быть, победа и слава. Такой примитивной и жестокой логикой руководствовались военные во все времена. В разных странах заградотряды назывались по-разному и не всегда имели право на месте расстреливать дезертиров, но такие части существовали везде.

Троцкий, известный своей жестокостью, в этом отношении отнюдь не превосходил других вождей большевиков. Однажды Ленин телеграфировал Троцкому: не следует ли расстрелять в случае неудачного ведения боевых действий всех командиров, включая главнокомандующего Вацетиса? Троцкий счел, что Ленин погорячился. Сталин, прибыв в Царицын, при возникшем в отношении инженера Алексева подозрении, что он заговорщик, приказал расстрелять и его, и его сыновей, а также людей, с ним знакомых. По подозрению в нелояльности и из опасений по поводу их возможной измены Сталин приказал погрузить на баржу находившихся в то время в Царицыне бывших офицеров, служивших в Красной армии, и – надо же было такому случиться! – баржа затонула вместе со всеми офицерами. Прибывший из Москвы бывший генерал царской армии Андрей Снесарев по распоряжению Троцкого был освобожден и таким образом случайно уцелел. В недалеком будущем он станет выдающимся военачальником Красной армии.

И хотя «формально-юридических» доказательств того, что баржу затопили по приказу товарища Сталина, не существует, современники были в этом абсолютно уверены. Как видим, методы, которыми действовали большевистские лидеры, были примерно одинаковы – это были методы устрашения. Ленин в этом плане был едва ли не хлеще Троцкого. В его письмах и телеграммах эпохи Гражданской войны «расстрелять» – одно из самых часто употребляемых слов. В начале августа 1918 года в телеграмме Пензенскому губисполкому и Евгению Бош Ленин инструктировал: «Необходимо... провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». И это до покушений на большевистских вождей и «официального» объявления красного террора!

Троцкий теоретически обосновал необходимость насилия. Разъезжая в своем знаменитом поезде по России, он постоянно писал, диктовал, выступал с речами. И надиктовал книгу «Терроризм и коммунизм» – в ответ на одноименную книгу Карла Каутского, который резко критиковал российских большевиков. Вот что писал Троцкий:

Устрашение есть могущественное средство политики, и международной, и внутренней. Война, как и революция, основана на устрашении. Победоносная война истребляет, по общему правилу, лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламаявая их волю. Так же действует революция: она, убивая единицы, устрашает тысячи. В этом смысле красный террор принципиально не отличается от вооруженного восстания, прямым продолжением которого он является.

«Морально» осуждать государственный террор революционного класса может лишь тот, кто принципиально отвергает на словах всякое вообще насилие, стало быть, всякую войну и всякое восстание. Для этого нужно быть просто-напросто лицемерным квакером.

И далее:

Но чем же ваша тактика отличается в таком случае от тактики царизма? – вопрошают нас опыты либерализма и каутскианства. Вы этого не понимаете, святоши, но объясним. Террор царизма был направлен против пролетариата, царская жандармерия душила рабочих, боровшихся за социалистический строй. Наши чрезвычайки расстреливают помещиков, капиталистов, генералов, стремящихся восстановить капиталистический строй. Вы улавливаете этот оттенок, да? Для нас, коммунистов, его вполне достаточно.

Для того чтобы создать многомиллионную армию – к концу 1919 года в ней насчитывалось более трех миллионов человек, а к концу 1920-го – пять с половиной миллионов, – ее следовало строить как регулярную. Этим и занимался Троцкий, встречая весьма упорное сопротивление соратников-большевиков. Я говорю прежде всего о так называемой военной оппозиции, в которой особо выделялась царицынская группа. Напомню, что Царицын был одним из важных (хотя и не столь важным, как это впоследствии изображали в сталинские времена) пунктов, за которые шли сражения красных и белых. Царицын защищала 10-я армия, которой командовал Клим Ворошилов. Здесь, в Царицыне, Ворошилов и сблизился со Сталиным, который приехал туда как политический руководитель. Они и некоторые другие царицынские деятели отказывались признать назначенного командующим Южным фронтом бывшего генерала Павла Сытина, которого даже посадили под домашний арест. Дошло до того, что командование армии не посылало никаких данных в штаб фронта. И тогда – дело было в октябре 1918 года – Троцкий направил телеграмму в ЦК и Ленину. Цитирую:

Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагоприятно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в 50 тысяч человек. Я обяжал их дважды в день представлять оперативные разведывательные сводки. Если завтра не будет это выполнено, я отдам Ворошилова под суд и объявлю об этом в приказе по армии.

Троцкий приехал в Царицын, у него состоялся крутой разговор с Ворошиловым. Ворошилов ему заявил, что будет исполнять лишь те приказы, которые сочтет правильными. Именно это отличает партизанщину от регулярной армии: военачальник не может выполнять лишь те приказы, которые сочтет правильными. Ведь если это распространить на всю армию, она прекратит свое существование. Троцкий пригрозил Ворошилову отправить его под конвоем в Москву, и тот наконец пообещал соблюдать дисциплину. Однако слова своего не сдержал. Под суд Ворошилов не пошел, но в декабре 1918 года его перевели на Украину, а вместо Ворошилова прислали Александра Егорова, бывшего подполковника царской армии и будущего Маршала Советского Союза. Тогда соратник Ворошилова и Сталина Ефим Щаденко собрал актив 10-й армии и показал всем погоны, заявив, что к ним едет генштабист Егоров, а с ним 70 офицеров Генштаба, которые готовят сдачу армии белым. Такими были методы политической борьбы. Этот Щаденко впоследствии стал членом Реввоенсовета Первой конной армии,

а в 1937 году – начальником управления кадров Красной армии. Он принимал самое активное участие в репрессиях против военных специалистов, в частности того же Егорова, которого люто ненавидел со всей силой «пролетарской ненависти». Хотя пролетарием он был относительно: по профессии Щаденко был портным. А что касается Ворошилова, то Троцкий, кажется, не ошибся, сказав, что Ворошилов может командовать максимум полком. Сталин отправил своего друга в отставку с поста наркома обороны после позора Финской войны.

На VIII съезде партии большевиков в марте 1919 года шли бурные дебаты о том, как строить армию. Военная оппозиция, которая по численности не уступала тем, кто поддерживал линию ЦК, готова была сорвать деятельность Троцкого. Собственно, твердой линии у ЦК не было. Ленин тоже не очень-то жаловал военспецов и готов был от них избавиться. Остановили Ленина сугубо прагматические соображения – военспецов оказалось много, стало ясно, что они незаменимы. Характерна, однако, его реакция на сообщение о численности военных специалистов в Красной армии:

Когда мне недавно т. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага...

Главное объяснение, почему большевики не хотели использовать в армии военспецов, – они боялись измены. Действительно, такие случаи были: в 3-й армии, по утверждениям ее политического руководства, десять процентов офицеров перешли к противнику. Некоторые военачальники, занимавшие крупные посты, перебежали к белым: полковник Носович, начальник штаба Северо-Кавказского округа, генерал Архангельский, начальник Управления по командному составу Всероссийского главного штаба (Всероглавштаба), посылал офицеров к Деникину, а потом и сам к нему перешел. Вся Академия Генштаба в Казани во главе с генералом Андогским перешла к белым, Андогский потом служил у Колчака. Однако изменников было гораздо меньше, чем тех, кто служил добросовестно. С другой стороны, как справедливо писал Троцкий, «у нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом, со стороны офицеров, занимавших более видные посты. Но у нас редко говорят о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава, из-за того, что командир полка не сумел наладить связь, не выставил заставы или полевого караула, не понял приказа или не разобрался по карте». А ведь красных командиров из «низов» было очень много.

В итоге линия Троцкого на профессионализацию армии возобладала, благодаря чему и состоялась Красная армия. Именно поэтому красные победили белых.

Приведу цифры: на стороне красных воевали 70–75 тысяч бывших офицеров старой армии. На стороне белых – около 100 тысяч.

Теперь о прыжке. Троцкий, кроме того что был, видимо, лучшим оратором революции и умел зажигать людей, неумолимо ездил по фронтам и «материально стимулировал» бойцов Красной армии. Сохранились записи одного из его адъютантов о том, как несколько дней они плыли на пароходе по Волге, постоянно встречаясь с воинскими частями. Троцкий произносил речи и раздавал награды. К примеру, по 250 рублей всем, кто стоял в строю. В одной из частей он спросил, кто наиболее отличился. Командование выделило двадцать человек, восемнадцать получили от Троцкого портсигары, а двоим не хватило. Тогда он снял с руки часы и подарил одному бойцу, а другому – свой личный браунинг. Слухи летели впереди него: глава Красной армии строг, но справедлив. С одной стороны, беспощадно карал тех, кого заподозрил с готовности к измене, а с другой – вовремя выданной наградой, вовремя сказанным словом умел привлечь и поддержать. Борису Думенко, который впоследствии был расстрелян по

недоказанному обвинению в убийстве комиссара, он вручил орден Красного Знамени, назвав его «первой шашкой Республики». Такое не забывалось.

Перед Троцким стояла задача, с одной стороны, организовать людей в боеспособную армию, с другой – организовать тех, кто работал бы на армию, вооружал, снабжал, одевал, лечил и т. д. Нужно было создать систему. И он ее создал. Троцкий был блестящим организатором, но прежде всего – политиком. Ему требовалось вдохновить и Красную армию, и сторонников большевиков, которые в тяжелейших условиях поддерживали советскую власть.

На своем знаменитом поезде он совершил 36 поездок. Общая протяженность его поездок – 105 тысяч километров. По другим данным, в два раза больше. 105 тысяч – это все равно что два с половиной раза обогнуть земной шар по экватору (длина экватора – 40,75 тысячи километров).

В поезде был специальный вагон, в котором размещался гараж на несколько автомобилей. Троцкий объезжал и те места, где не было железных дорог. Это еще сотни, а то и тысячи километров. Он вдохновлял, наказывал, поощрял. И писал. В поезде выходила газета, которая называлась «В пути». Ее передовицы нередко перепечатывали армейские, фронтовые и общероссийские газеты. Приказы и речи Троцкого за годы войны составили впоследствии пять томов. В поезде была написана и книга «Терроризм и коммунизм». Троцкий был мотором Красной армии, ее организатором и вдохновителем. Одна из причин, почему красные победили белых, заключается в том, что красных возглавляли политики, в то время как белых – военные. Троцкий в наибольшей степени воплощал собой эту разницу.

Троцкий – одна из самых ярких фигур революции и Гражданской войны, он был признанным вождем Красной армии, вторым человеком в партии и в стране. Точнее, в Совдепии, как называли территории, контролировавшиеся большевиками. Он пользовался абсолютным доверием Ленина. Ленин даже выдал ему документ, в котором говорилось: «...зная строгий характер распоряжений товарища Троцкого, всецело к ним присоединяюсь. Ленин». Однако Троцкий им ни разу не воспользовался, ему хватало его собственных полномочий. Когда в сентябре 1918 года страна была объявлена единым военным лагерем и был создан Революционный военный совет Республики, Троцкий стал его председателем. В его руках была сосредоточена колоссальная, гигантская власть. Тем страшнее были его ошибки. Его приказ о немедленном разоружении чехословацкого корпуса – одна из грубейших ошибок, которая, по сути дела, спровоцировала мятеж так называемых белочехов. Это безусловно так. Троцкий настаивал на том, чтобы держать больше войск на Восточном фронте, а после весны 1919 года следовало перебросить больше войск на юг, – впоследствии он признал это сам.

Что создало Троцкому такой гигантский авторитет во время Гражданской войны? Чем еще он обладал, кроме решительности, жестокости, умения заечь, уговорить, вдохновить, убедить? Ведь после его выступлений тысячи дезертиров с криками «ура!» записывались в Красную армию. Троцкий был безусловно храбрым человеком, он появлялся в самых горячих точках. В Свияжске безопасность Троцкого была настолько не гарантирована, что военные потребовали от него перейти на миноносец, чтобы в случае чего можно было на нем уйти. И что же? Троцкий принял участие в налете флотилии на Казань. Флотилией командовал Федор Раскольников, знаменитый уже тогда. Под артиллерийским огнем белых миноносцев, на котором был Троцкий, прорвался к Казани. Открыв огонь по стоявшим здесь пароходам и баржам, миноносец попал в баржу с нефтью. Стало светло как днем, а миноносец к тому же потерял управление. Красные ожидали, что их немедленно расстреляют береговые батареи. Но от внезапности налета на берегу возникла такая паника, что никто по ним не стрелял. И они с грехом пополам вернулись обратно.

Был еще один знаменитый эпизод в октябре – ноябре 1919 года, когда нависла угроза над Петроградом и Ленин предлагал город сдать. Сдав Петроград, можно было сократить линию фронта. Кроме того, Ленин считал главным отбиться от Деникина, который шел к Туле, а Тула

– это оружейные заводы, к тому же до Москвы рукой подать. Троцкий выступил против сдачи Петрограда. Редкий случай, когда Троцкого поддержал Сталин. Троцкий сам отправился в войска: организовывать, мобилизовывать, вдохновлять – и даже сам, взгромоздившись на коня, вернул один полк на его позиции. Троцкий отнюдь не был хорошим наездником, но это не имело значения. Значение имело то, что, как говорили ему служившие при нем бывшие царские офицеры, «в те места, где вы бываете, в старой армии не то что главнокомандующий, а начальник дивизии не совался». За Петроград Троцкий был награжден орденом Красного Знамени.

Позднее Троцкий напишет, что колебался, брать или не брать орден. Ведь он был председателем Реввоенсовета, то есть, по существу, главнокомандующим, и сомневался, не будет ли его награждение неправильно воспринято. В конце концов Троцкий решил, что, если откажется, тем самым принизит награду, а значит, и других награжденных.

Вскоре выяснилось, что орденом Красного Знамени решено наградить и Сталина. Калинин возмутился: а Сталина-то за что? Зиновьев разъяснил: Сталин не может пережить, когда у кого-то есть то, чего нет у него. Отношения между Троцким и Сталиным были напряженными, поэтому Сталина тоже решили наградить орденом Красного Знамени. Мнение о том, что Сталин был человеком скромным и дело революции ставил превыше всего, не соответствует действительности. Напомню, что это именно он добился того, чтобы в 1922 году Царицын назвали Сталинградом... Впрочем, в следующем году Гатчину назвали Троцком (в 1929-м переименовали в Красногвардейск).

Итак, Гражданская война завершилась победой. Троцкий остался председателем Реввоенсовета. Будучи человеком редкостно самоуверенным, чему способствовал ореол победителя и героя Гражданской войны, создателя и вождя Красной армии, он был убежден, что массы и партия его всегда поддержат. И жестоко ошибался. Когда началась борьба за власть, когда стало понятно, что Ленин не жилец, Троцкий развязал дискуссию о партийной демократии, и в итоге бывшие соратники-соперники – Сталин, Каменев и Зиновьев – его слопали. В январе 1925 года он был снят с поста председателя Реввоенсовета, впоследствии его вывели из Политбюро, исключили из партии, выслали в Алма-Ату, а потом – в Турцию. Ну а дальше – Мексика и смерть от удара ледорубом, который нанес агент НКВД.

Какой можно сделать вывод? Гражданская война – война особая. Здесь, кроме пушек, пулеметов, армий и военных знаний, нужно что-то еще. Какая-то энергетика, вплоть до бесноватости, абсолютная решимость, способность повести за собой полуграмотные массы. Этими качествами обладали большевистские лидеры и не обладал ни один из лидеров белых. Ну, может быть, за исключением Врангеля. Но даже из большевистских лидеров ни один до Троцкого недотягивал.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

Добровольческая армия и Конармия – уникальные явления времен Гражданской войны, очень разные и показательные. История их изучена недостаточно. Многое замалчивалось, многое трактовалось с точки зрения победителей. Сравнительно недавно представилась возможность изучать ее по-настоящему – открылись архивы.

Начнем с Добровольческой. Сразу хочу сказать, что мы говорим именно о Добровольческой армии, то есть о воинском формировании, а не о Белом движении в целом. Очень часто эти два понятия путают, и Вооруженные силы Юга России называют Добровольческой армией. Между тем Вооруженные силы Юга России возникли в начале января 1919 года, после того как атаман Петр Краснов подчинился генералу Деникину, и произошло объединение Добровольческой армии и армии Всевеликого войска Донского под единым командованием. Но и современники, а потом историки и литераторы, по-прежнему называли «добровольцами» без различия все войска белых – и Добровольческую армию, и другие вооруженные формирования белых.

Мы пойдем от истоков, от начала Белого движения. Начну со стихов, потому что у очень многих Белое движение ассоциируется с тем романтическим обликом, который создан в стихах Марины Цветаевой.

Напомню, что муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон был «добровольцем», а ее стихи написаны в марте 1918 года. Это цикл «Дон» из сборника «Лебединый стан»:

*Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...
Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон.*

Что здесь не так? Предпоследняя строка: «старого мира – последний сон», потому что Добровольческая армия не шла ни под монархическими лозунгами, ни под лозунгами реставрации. Ни в коем случае! Многие офицеры (возможно, большинство) были монархистами, но Добровольческая армия не ставила своей задачей реставрацию монархии и старого строя. На всякий случай напомню, что генерал Лавр Корнилов, первый командующий Добровольческой армией, арестовывал императрицу Александру Федоровну. Многие считали его «демократическим» генералом. Собственно, он и сам называл себя «сыном крестьянина-казака», подчеркивая свое происхождение из «низов». При этом именно Лавр Корнилов возглавил так называемый Корниловский мятеж – выступление против Временного правительства.

Корниловский мятеж – темная история. Похоже, существовало некое недопонимание между властью в лице министра-председателя Александра Керенского и главнокомандующим генералом Корниловым, назначенным на этот пост самим Керенским, связанное с необходимостью восстановления воинской дисциплины в армии. Стоял вопрос: как это сделать? Генерал Корнилов не собирался устраивать контрреволюционный монархический переворот, он хотел навести порядок в армии и тылу, поскольку без этого невозможно было вести войну. И полагал, что Временное правительство пойдет ему навстречу. Политически Корнилов был человеком неопытным, а вокруг него крутились темные личности: Завойко, Филоненко... Не вполне ясную посредническую роль играл Борис Савинков. Переговоры шли до последнего дня. Василий Маклаков в разговоре по телеграфному аппарату с Корниловым говорил: «Ну вас же неправильно поняли, правда?», подсказывая ему выход из создавшегося положения. Совершенно ясно, что Корнилов не собирался устраивать путч с целью восстановления монархии.

Скажу больше: некоторые офицеры не шли в Добровольческую армию именно потому, что она не выдвинула монархического лозунга. Граф Федор Келлер, один из прославленных кавалерийских начальников эпохи Первой мировой, не рекомендовал и даже запрещал подчиненным идти в Добровольческую армию именно по этой причине. И если мы посмотрим программные документы, скажем, декларацию Добровольческой армии, то увидим, что она написана лидером русских либералов Павлом Милюковым, который какое-то время был монархистом. Милюков считал, что в России должна остаться конституционная монархия, хотя в декларации, разумеется, об этом нет ни слова.

Пойдем дальше. «Молодость – Доблесть – Вандея – Дон». И доблесть, и Вандея, и Дон, и молодость – все это было. Однако основателем Белого движения был довольно пожилой, по понятиям того времени, человек, 60-летний генерал Михаил Васильевич Алексеев. Это был, несомненно, самый авторитетный русский полководец эпохи Первой мировой войны, начальник штаба Верховного главнокомандующего, фактически командовавший русской армией при номинальном главнокомандующем императоре Николае II, а затем, в апреле – мае 1917 года – главнокомандующий русской армией.

Уже 2 ноября 1917 года по старому стилю, то есть через неделю после большевистского переворота, Алексеев отправился на Дон, чтобы организовать сопротивление большевикам и немцам. Он считал, как и очень многие, что большевики – это немецкие агенты и что необходимо возродить русскую армию и вести борьбу с захватчиками, которые, используя изменников-большевиков, устроили в России революцию. Первоначально то, что потом стало Добровольческой армией, называлось Алексеевской организацией.

Алексеев рассчитывал на поддержку донского казачества: казаки считались наиболее государственным элементом в России, отсюда у Цветаевой – «Вандея»: как мы помним, там в годы Французской революции вспыхнул крупный контрреволюционный мятеж.

Еще летом 1917 года атаманом Войска Донского был избран один из самых прославленных кавалерийских военачальников эпохи мировой войны генерал Алексей Максимович Каледин. Алексеев его прекрасно знал, он знал, что это человек государственно мыслящий, патриот, и рассчитывал на его поддержку. Но оказалось, что и Каледина казаки не очень-то поддерживали, да и спасти Россию не стремились. Хотели отсидеться, не допустить к себе ни большевиков, ни монархистов и вовсе не жаждали возвращения старого мира. Ожидаемой поддержки Алексеев не получил. Более того, Каледин, по существу, запретил Алексееву объявлять о формировании антибольшевистских сил.

Что такое армия? Среди прочего это – деньги. Деньги – нерв войны, так еще Марк Туллий Цицерон говорил. Деньги пообещали Алексееву московские финансисты и промышленники. Дескать, «ничего не пожалеем, жен, детей наших заложим», подобно Козьме Минину. В итоге Алексеев получил из Москвы 800 тысяч рублей – ничтожную сумму, гроши. Отчасти так мало потому, что люди не хотели давать деньги на непонятно насколько надежное, а скорее безнадежное дело. Отчасти потому, что своя рубашка ближе к телу, тем более свой рубль. Кроме того, большевики наложили арест на сбережения, хранившиеся в банках, и стало невозможно осуществлять пожертвования. Для сравнения скажем, что ростовская плутократия, как ее называл генерал Деникин, собрала для Добровольческой армии 6,5 миллиона рублей, а новочеркасская – 2 миллиона. Дон встал за Россию-матушку, но не казаки, а городская буржуазия.

Генерал Алексеев рассчитывал на массовый приток добровольцев. Ничего подобного не произошло. Людей было мало; даже офицеры, находившиеся в Ростове, Новочеркасске и Таганроге – трех наиболее крупных городах на Дону, – шли в Добровольческую армию неохотно. По разным причинам: устали от военных действий, не хотели участвовать в братоубийственной войне, не верили в успех. Энтузиазм проявляла только местная молодежь – студенты, гимназисты: относительно «молодости» Цветаева была права.

Однако зачинателем движения, повторюсь, оказался немолодой человек без малейшего флера романтики, считавший это дело своей миссией. Кстати, многие из тех, кто участвовал в создании Белого движения, впоследствии говорили о нем как о важнейшем деле своей жизни. Среди них – Петр Струве, приехавший на Дон и состоявший в Совете при генералах.

Судьба движения изначально складывалась непросто. Людей мало, денег практически нет. Содержание офицеров составляло в ноябре 100 рублей, потом 150, 200, 270. Это были сущие копейки. Однако, понимая это, люди шли на лишения. Поскольку мощной финансовой базы у армии не было, движение сразу стало делом патриотов-энтузиастов.

Первые, начальные дни, недели, месяцы Белого движения – при всех сложностях, лучшее его время с точки зрения морально-этической. Забегая вперед, скажу: когда армия вынуждена была покинуть Ростов и отправиться в свой знаменитый Ледяной поход на Кубань, она насчитывала менее четырех тысяч человек – вместе с гражданскими лицами и с обозом.

Когда же Алексеевская организация стала Добровольческой армией и кто еще, помимо генерала Алексева, принимал участие в ее формировании?

Вскоре на Дон удалось пробраться участникам Корниловского мятежа, сидевшим в тюрьме в Быхове. Их выпустили по распоряжению главнокомандующего генерала Николая Духонина, и они пробрались на Дон. Сам Духонин был растерзан толпой революционных солдат и матросов на глазах нового главковерха – большевика прапорщика Николая Крыленко. Ну а русский язык «обогатился» еще одним выражением, обозначающим бессудное убийство: «отправить в штаб к Духонину».

Отношения между генералами Алексеевым и Корниловым сложились весьма непростые – они друг друга недолюбливали. Алексеев считал Корнилова выскочкой, и, в общем, не без оснований, поскольку тот сделал головокружительную карьеру: начинал Первую мировую начальником дивизии, а в 1917-м стал главнокомандующим. Как полководец Корнилов до этого уровня недоотягивал. Но это был, что называется, харизматический лидер, человек безусловной личной храбрости. Он прославился тем, что бежал из австрийского плена, пробрался в Россию, стал очень популярным, за ним шли войска, в него верили.

Алексеев арестовывал генерала Корнилова после его выступления в августе 1917 года, правда, делал это прежде всего для того, чтобы спасти жизнь генералов, которых солдатская масса просто бы растерзала. Понятно, что Корнилов особой любви к Алексееву не испытывал. Отношения между ними были столь острыми, что ходили даже слухи о взаимных заговорах и даже организации покушений. Но постепенно удалось как-то отношения урегулировать и разделить власть. Сложился триумвират – Алексеев, Каледин, Корнилов. Каледин поначалу него-степриимно встретил Алексева и поддержал его «добровольцев» лишь постольку-поскольку. Но закончил тем, что стал поддерживать всецело. Когда в Ростове произошло восстание и власть захватили большевики, выяснилось, что у Каледина нет надежных донских войск, чтобы ликвидировать советскую власть. Тогда он обратился к Алексееву, и при помощи его ничтожных тогда сил Ростов был захвачен, а советская власть ликвидирована. Тогда-то и было позволено Алексееву открыто агитировать за вступление в Добровольческую армию, до этого же все шло по частным каналам: официально не было объявлено, что создается армия, и не был издан приказ офицерам в эту армию вступить.

По мнению Деникина, четкий приказ мог бы подействовать на очень многих. Добровольчество – дело тонкое. А если офицер получает приказ – тем более от хорошо известного, знаменитого генерала, – он вполне мог подчиниться, доверясь ему.

В конечном счете структура сложилась такая: Алексеев ведал политикой и финансами. Корнилов был назначен командующим, и только тогда – подчеркиваю это – появилось название «Добровольческая армия». Это произошло 26 декабря 1917 года, о чем на следующий день было официально объявлено в газетах.

Каледин ведал делами на Дону, генерал Деникин, который вечно мирил Алексева и Корнилова, был назначен начальником первой дивизии. Это была весьма условная дивизия, поскольку численность всей Добровольческой армии не превышала четырех тысяч человек. Фактически он стал просто заместителем Корнилова, что было объявлено потом и официально – чтобы в случае гибели командующего (об этом, конечно, не говорили) было ясно, кто станет преемником, и в армии не возникло разброда.

Так впоследствии и получилось. Армия была беспрецедентной по насыщенности генералами и старшими офицерами, в ней генералы командовали батальонами, полковники – ротами. Вся привычная субординация рухнула. Под натиском красных Добровольческая армия вынуждена была оставить Дон, по крайней мере города. Стало очевидно, что противостоять превосходящим силам красных не удастся.

Нам точно известно, когда начался знаменитый Ледяной поход: 9 (22) февраля 1918 года. Известно и место, где было сказано: «Мы отсюда уходим и будем двигаться дальше», хотя конечный пункт этого движения пока еще не был определен. Так сказал Корнилов со ступенек парамоновского особняка на Пушкинской улице Ростова-на-Дону, ныне это библиотека Южного федерального университета (ранее – Ростовского государственного университета). Здание сохранилось в своем первоначальном виде.

Возник спор, куда двигаться дальше. Корнилов считал, что следует перезимовать в верховьях Дона, а с наступлением тепла уже решать, как быть. Алексеев, человек более грамотный и в военном отношении, и политически, нежели Корнилов, считал, что идти нужно на Кубань. Если уйти в верхнедонские станицы, можно попасть в капкан: с одной стороны разольется Дон, с другой – красные захватят железную дорогу, и все, деваться будет некуда. А вокруг степи. И неизвестно, как к этим четырем тысячам отнесутся в станицах, смогут ли и захотят ли прокормить. Потому он настаивал на походе на Кубань – там еще не было большевистской власти, и ему казалось, что кубанское казачество поддержит «добровольцев».

В конце концов было решено идти на Кубань. В марте – начале апреля 1918 года горстка добровольцев с боями прорвалась с Дона на Кубань; этот марш-бросок получил название «Ледяной поход». Поначалу «добровольцы» неизменно били во много раз превосходившие их численно войска красных. Почему – думаю, понятно. Во-первых, отступать было некуда, шла война на истребление, причем с обеих сторон. Во-вторых, в профессиональном отношении эта малочисленная армия существенно превосходила противостоявшие им силы красных.

Поход отличался крайней жестокостью с обеих сторон. Деникин рассказывает жуткие вещи. Еще накануне Ледяного похода начальника железнодорожной станции Матвеев Курган красные зверски мучили, узнав, что двое его сыновей вступили в Добровольческую армию. Они вспороли ему живот и живым закопали в землю. Когда тело выкопали, у него были скрючены пальцы: он пытался разрыть землю и выбраться из могилы. Один из сыновей, увидев захваченных большевиков, словно обезумел: схватил винтовку и нескольких тут же пристрелил. У Романа Гуля в его автобиографическом романе «Ледяной поход (с Корниловым)» воспроизведен эпизод расстрела пленных красноармейцев. Приходит офицер и спрашивает: «Есть ли желающие на расправу?» – то есть имеются ли желающие расстреливать. Гуль был уверен, что никто не вызовется, однако желающие нашлись. И каждый из них что-то бормотал в свое оправдание. После Ледяного похода Гуль ушел из Добровольческой армии, поскольку не мог этого принять.

У Деникина есть замечательный момент в его «Очерках русской смуты». Под Кореновской на Кубани шел ожесточенный бой, большевики сражались на удивление хорошо.

«Среди офицеров разговор:

– Ну и дерутся же сегодня большевики!..

– Ничего удивительного – ведь русские...

Разговор оборвался. Брошенная случайно фраза задела больные струны...»

Екатеринодар, к которому шли добровольцы, оказался захваченным большевиками. Добровольцы опять оказались на враждебной территории; где-то надо было соединиться с отрядом кубанского полковника Виктора Покровского, но где он, было непонятно. Подошли к Екатеринодару, начались бои за город. Штурм закончился неудачей, и опять встал вопрос: что делать дальше? Корнилов со свойственной ему, я бы сказал, упертостью считал: штурмовать город, во что бы то ни стало взять его, иначе все бессмысленно. Остальные военачальники предчувствовали, что новый штурм для Добровольческой армии будет равнозначен самоубийству. И здесь произошло почти невероятное: в дом, где находилась штаб-квартира белых, попал снаряд, который убил одного Корнилова. Совершенно фантастическая история – чтобы единственным снарядом был убит командующий армией!

Но то был, как ни цинично это звучит, знак судьбы, который спас Добровольческую армию, ибо военный совет принял решение отказаться от нового штурма и уйти.

С Кубани добровольцы ушли в верхнедонские станицы, соединились с отрядом Покровского. Это были еще три тысячи штыков, в общей сложности их стало около шести тысяч.

В конце июня 1918 года окрепшая Добровольческая армия вновь пошла на Кубань. Эта операция вошла в историю Белого движения как Второй Кубанский поход. В июне к армии присоединился отряд полковника Михаила Дроздовского, пришедший с румынского фронта, в его составе было около трех тысяч человек. Получалось уже восемь-девять тысяч человек личного состава. Но им противостоял гораздо более многочисленный противник: войска красных на Северном Кавказе во главе с бывшим подъесаулом и бывшим фельдшером Иваном Сорокиным превосходили армию белых более чем в три раза.

Казалось, это то превосходство, которое ничем не одолеть – ни мастерством, ни отвагой, ни отчаяньем. Тем не менее «добровольцы» разбили превосходящие силы красных и очистили от них Кубань и Северный Кавказ. Екатеринодар перешел в руки белых. Надо сказать, что у противников большевиков снова были стратегические разногласия. Донской атаман Петр Краснов считал, что нужно идти не на Кубань, а на Царицын. Задним числом трудно предполагать, что было бы, если бы белые взяли этот, как его называли, «красный Верден». Возможно, это могло изменить ход Гражданской войны. Но история, как известно, сослагательного наклонения не имеет.

Однако план Деникина был вполне резонен. Во-первых, нельзя было оставлять у себя в тылу мощные силы красных, которые в любой момент могли нанести удар; с военной точки зрения это было бы безумием. Во-вторых, кубанское казачество, уже ощутившее на себе, что такое большевизм, с гораздо большей охотой было готово с ним бороться. А это серьезная мобилизационная база. Плюс продовольственные ресурсы. Кончилось тем, что весь Северный Кавказ оказался в руках белых, а Добровольческая армия значительно усилилась. Тем временем немцы, которые контролировали Донскую область и поддерживали атамана Краснова, ушли. Они давали атаману военное снабжение: снаряды, патроны, винтовки. В ответ на упреки в германской ориентации Краснов саркастически заметил: «Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии!» Для иронии почва была. Среди противников большевиков на Юге России возникло двоевластие: Донская армия (командующий – генерал Святослав Денисов) под эгидой Краснова и Добровольческая армия во главе с Деникиным...

Деникин считал необходимым объединить все силы, претендуя на то, чтобы их возглавить. Краснов также претендовал на лидерство. Решающую роль сыграло вмешательство союзников, которые к тому времени начали оказывать поддержку Деникину. На Краснова оказали давление, он признал власть Деникина, подал в отставку и уехал на Северо-Запад. Так в результате объединения Добровольческой армии и армии Всевеликого войска Донского 8 января (по новому стилю) 1919 года возникли Вооруженные силы Юга России.

Деникин стал главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, а Добровольческая армия была передана под командование генерала Петра Врангеля, впоследствии главного противника Деникина. Она стала называться Кавказской Добровольческой армией. Врангель командовал ею недолго, поскольку заболел тифом. Армия на некоторое время практически перестала существовать, точнее, на ее основе возникло несколько группировок. Кавказская армия отдельно, Азовско-Крымская армия во главе с генералом Александром Боровским, бывшим командующим студенческим батальоном Добровольческой армии, – отдельно. Группировкой войск, которая действовала на харьковском направлении, стал командовать генерал Владимир Май-Маевский. В мае 1919 года он был официально назначен командующим Добровольческой армией. Генерал Май-Маевский был известен советским людям благодаря популярному телесериалу «Адъютант его превосходительства» (1969). Главным героем фильма, собственно, был не сам генерал, а советский разведчик, пробравшийся в близкое окружение генерала. Фамилия генерала в фильме была изменена, но имя и отчество – Владимир Зенонович – не оставляли сомнения, о кем идет речь. Эта история, конечно, на 90 процентов была выдумана. В ноябре 1919 года после замечательных успехов – взятия Харькова, захвата Донбасса – за неудачу под Тулой и Орлом и разложение, выразившееся в пьянстве и кутежах, Май-Маевский был снят с командования. А в ноябре 1920-го умер в Севастополе от разрыва сердца, накануне эвакуации за границу.

Командующим Добровольческой армией вновь стал Врангель. Ненадолго, поскольку от армии к тому времени мало что оставалось, и в начале 1920 года она была сведена в корпус, ибо численность армии была почти такой же, как в начале 1918 года, – около пяти тысяч человек. Добровольческим корпусом стал командовать другой прославленный белый генерал, последний командир Преображенского полка Александр Кутепов. Как и другие части Деникина, не попавшие в плен под Новороссийском, остатки «добровольцев» эвакуировались в Крым. Там Врангель преобразовал Вооруженные силы Юга России в Русскую армию, сам став ее главнокомандующим. Но это уже другая история.

ГЛАЗАМИ ВРАГА: КРАСНАЯ АРМИЯ, ГОД 1918-Й

В конце 1918 года в Париже российские дипломаты и политики, находившиеся за рубежом, учредили Русское политическое совещание за границей. На мирной конференции, созванной в январе 1919 года державами – победительницами в Первой мировой войне, должны были решаться судьбы мира. Русское политическое совещание, в отсутствие признанного российского правительства, должно было стать «суррогатом» национального представительства. Разумеется, речь шла о представительстве антибольшевистской России. В то время великие державы не признавали правительство большевиков, а российские послы, назначенные уже не существующим Временным правительством, по-прежнему сохраняли свой дипломатический статус. Подавляющее большинство сотрудников русских дипломатических миссий тоже не признали большевиков, и тогда нарком по иностранным делам Лев Троцкий объявил всех российских послов уволенными. Однако ни сами послы, ни правительства, при которых они были аккредитованы, не обратили на это никакого внимания.

В состав Русского политического совещания вошли бывший глава Временного правительства князь Г. Е. Львов, российские послы В. А. Маклаков (Париж), Б. А. Бахметев (Вашингтон), М. Н. Гирс (Рим) и некоторые другие, бывшие министры иностранных дел императорской России С. Д. Сазонов и А. П. Извольский, глава Архангельского правительства, старый революционер-народник Н. В. Чайковский и еще ряд видных политиков и дипломатов. При Совещании работали эксперты в военной и экономической областях и, разумеется, в области международного права. Деятельность Русского политического совещания продолжалась до июля 1919 года. Эти представители России к участию в конференции допущены не были. Тем не менее переговоры с ними велись, но в неофициальном порядке, и деятельность Совещания не прошла впустую, хотя большинства поставленных целей оно не достигло, да и не могло достигнуть в отсутствие признанного правительства.

Мы не станем здесь подробно рассматривать историю российской дипломатии в изгнании. Заинтересованного читателя я отсылаю к другим книгам, моим и моих коллег. Это несколько затянувшееся введение позволяет понять контекст, в котором была составлена записка о состоянии Красной армии, а также объяснить, где и при каких обстоятельствах она была обнаружена.

Документы, относящиеся к деятельности Русского политического совещания, оказались в конце концов в крупнейшем собрании материалов по истории России за ее пределами – в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии.

Изучая протоколы заседаний Совещания, я неожиданно обнаружил на полях некоторых из них карандашные, очень похожие, хотя и несколько шаржированные, наброски портретов В. А. Маклакова, Б. А. Бахметева, генерала Н. Н. Головина, Б. В. Савинкова, Н. В. Чайковского. Установить личность «хулиганствующего» автора стоило некоторых усилий, хотя и не слишком больших. Им оказался генерал-майор Борис Владимирович Геруа. Заодно выяснилось, что, кроме замечательных рисунков, он оставил нечто более существенное для истории – записку о состоянии большевистской России, точнее, России под большевиками, в том числе о том, что знал лучше всего, – об армии. Причем свою записку генерал Геруа составил в самом начале 1919 года, только что выбравшись из Советской России.

Послереволюционных эмигрантов в советской историографии и публицистике было принято называть белоэмигрантами. В описании архивных дел в российских архивохранилищах эта терминология сохранилась до настоящего времени. Скажем, «письма белоэмигранта писателя И. А. Бунина». Что уж говорить о военных, до вынужденной эмиграции, как правило, служивших в антибольшевистских вооруженных формированиях. В случае Геруа парадокс заклю-

чался в том, что в период Гражданской войны, находясь в России, он ни в какой армии, кроме Красной, не служил.

Б. В. Геруа был потомственным военным с наследственной склонностью к искусству. Его прадед Клавдий Героа (Клод Геруа), «архитектор, профессор и академик», переехал из Парижа в Санкт-Петербург в царствование императрицы Екатерины II, в 1774 году стал академиком архитектуры. Дед Александр Клавдиевич Геруа пошел по военной линии. В 1812 году в чине капитана он принимал участие в войне с Наполеоном, в 1814-м брал Париж. Четырнадцатого декабря 1825 года, в день выступления декабристов, полковник А. К. Геруа привел Лейб-гвардии Саперный батальон на защиту Зимнего дворца. Закончил он службу генерал-майором, генерал-адъютантом и членом Военного совета. Отец Владимир Александрович Геруа также завершил службу в чине генерал-майора, его последняя должность – командующий Минской бригадой.

Единственным членом семьи Геруа, дослужившимся до более высокого чина, был старший брат Б. В. Геруа Александр Владимирович (1870 – не ранее 1944), ставший генерал-лейтенантом в 1917 году. Его последняя должность в период Первой мировой войны – начальник штаба Румынского фронта. Во время Гражданской войны он был представителем Вооруженных сил Юга России в Румынии, где и жил впоследствии на положении эмигранта. В 1944-м, после вступления Красной армии в Бухарест, 74-летний генерал был арестован СМЕРШ, вывезен в СССР и сгинул то ли в подвалах Лубянки, то ли в ГУЛАГе.

Борис Геруа родился в 1876 году. Окончил Пажеский корпус (1895) и Николаевскую академию Генштаба (1904; по 1-му разряду). В промежутке между корпусом и академией служил в Лейб-гвардии Егерском полку. Будучи младшим офицером Лейб-гвардии Егерского полка, посещал Рисовальную школу Общества поощрения художеств в Петербурге. После окончания академии по собственному желанию отправился в Маньчжурию, на театр боевых действий. Во время Русско-японской войны и в последующие годы служил на различных штабных должностях, прошел положенное «цензовое» командование ротой и батальоном. С 1912 года Геруа – экстраординарный профессор по тактике Николаевской военной академии, в том же году он получил чин полковника. В 1913–1914 годах Геруа – ординарный профессор Николаевской военной академии. В Первой мировой войне он принимал участие с сентября 1914 года, занимал различные штабные и командные должности, в том числе командовал Лейб-гвардии Измайловским полком, был начальником штаба дивизии и армии. В 1916 году за боевые заслуги был произведен в генерал-майоры, награжден Георгиевским оружием. С июля 1916 года Геруа – генерал-квартирмейстер войск гвардии, с декабря 1916-го – Особой армии. К Февральской революции Геруа отнесся, судя по его мемуарам, с бессильным раздражением; в мае 1917-го получил назначение на должность начальника штаба 11-й армии.

Следующий поворот в судьбе Геруа был связан с выступлением генерала Л. Г. Корнилова.

В связи с делом Корнилова, Деникина и Маркова, – вспоминал Геруа, – я и мой генерал-квартирмейстер полковник Н. В. Соллогуб были вызваны из штаба XI армии из Каменец-Подольска в Бердичев, где это дело разбиралось. Там меня допрашивали, но, в конце концов, отпустили, несмотря на то что я, будучи начальником штаба XI армии, состоял фактически в заговоре с Деникиным и Марковым и готовился к задуманному военному перевороту. Чтобы обвинить меня, не хватило документальных доказательств. Отпустив, предложили принять корпус¹.

В условиях стремительного разложения армии Геруа предпочел отказаться от этого назначения и предложил свои услуги Академии Генерального штаба. Начальник академии

¹ Практически во всех биографических справках о Б. В. Геруа ошибочно утверждается, что он был арестован и помещен в Быховскую тюрьму, откуда освобожден за отсутствием доказательств.

генерал А. И. Андогский, бывший «адъютант» Геруа, с радостью согласился принять на службу своего бывшего шефа: с 22 сентября 1917 года Геруа вновь стал ординарным профессором Николаевской военной академии. После захвата власти большевиками генерал Геруа вместе с Академией как бы «автоматически» оказался на службе в Красной армии.

В феврале 1918-го, когда при наступлении германских войск хитроумный Андогский договорился об эвакуации Академии вглубь страны, Геруа отказался выехать вместе с Академией из Петрограда. «Мои мысли были направлены на запад, моя семья в качестве авангарда уже перебралась из Финляндии в Стокгольм, – вспоминал Геруа, – и потому я остался в Петербурге. Но мои вещи, для временного сокрытия моего дезертирства, поехали в Екатеринбург и потом в Сибирь».

В данном случае мемуариста отчасти подвела память, а о чем-то он, по-видимому, сознательно умолчал. На самом деле Академия эвакуировалась в Казань, где после захвата города в июле 1918 года чехословацкими войсками и отрядом подполковника В. О. Каппеля благополучно, почти в полном составе, перешла на сторону антибольшевистских сил. Впоследствии она оказалась аж на острове Русский близ Владивостока. Что же касается Геруа, то «дезертир» был назначен на сравнительно высокий пост – начальника штаба Северного участка отрядов завесы и Петроградского района. «Завеса» была создана после заключения Брестского мира. Она состояла из отдельных отрядов, которые рассматривались в качестве прообраза будущих фронтовых формирований. Отряды «завесы» послужили основой для первых регулярных соединений Красной армии. Какова была в этом роль Геруа и чем он занимался после того, как в должности начальника штаба был смещен на полковника Генштаба Л. К. Александрова, нам неизвестно. Судя по детальной осведомленности, которую демонстрирует Геруа в публикуемом ниже фрагменте записки, где речь идет о Красной армии, он наблюдал ее формирование изнутри. И, очевидно, в нем участвовал. Вряд ли две его поездки в Москву в сентябре и декабре 1918 года, о которых он упоминает, были туристическими.

Одиннадцатого января 1919 года (30 декабря 1918-го по старому стилю, поясняет Геруа живущим по юлианскому календарю противникам советской власти) он бежал из Советской России, перейдя финскую границу. В Финляндии, в Гельсингфорсе, как Геруа по-имперски именовал Хельсинки, им была составлена записка о ситуации в Советской России. Записка датирована 29/16 января 1919 года (записка писалась за границей, поэтому автор сначала ставит дату по новому стилю). Пафос записки – побудить страны Антанты активнее вмешаться в русские дела. Геруа писал:

Приводя доводы за и против вмешательства в дела европейской России, изнемогающей под дикой пугачевщиной, ее все еще продолжают рассматривать в Европе как революционное проявление воли народа; когда же хотят убедить в необходимости вмешаться, то обращают исключительное внимание на бросающуюся в глаза внешность: на экономический развал; на бюджет, в котором расходы в 11 раз превосходят доходы; на паралич транспорта и торговли; на вандализм в области искусства; на разрушение всех форм государственной жизни; но, к сожалению, забывают, что в этих уродливых рамках корчатся и духовно калечатся 80 миллионов русских людей; что образованная часть этого народа, переживая величайшую душевную трагедию, постепенно опускается; с каждым днем теряя надежду на выручку, буржуазия выдыхается; незаметно для самой себя она начинает перерождаться, утрачивая патриотическое и государственное чутье; внизу же бурлит толща народная; она осталась темной, но еще вдобавок ослеплена брошенными ей лозунгами; эта масса – крестьянство – далека от самого приблизительного понимания идей социализма; глубокий собственник по

своей натуре, мужик, как и встарь, берет вилы, как только кто-нибудь подбирается к его собственному тулупу...

Холодно наблюдать со стороны эту нравственную агонию – бесчеловечно. Нужна помощь – и немедленная.

Кому адресована записка? Можно с уверенностью утверждать, что Русскому политическому совещанию в Париже, в заседаниях которого Геруа впоследствии участвовал. Привожу ниже фрагмент записки, который относится к Красной армии. Ее ценность заключается в том, что это прежде всего аналитика, а не пропаганда. Геруа пытался – и не без успеха – оценить реальное состояние Красной армии, ее сильные и слабые стороны. Мной даны минимально необходимые пояснения, в которых не нуждались современники автора записки.

В начальный период строительства армии, после того как старая боевая армия дружными усилиями большевиков во главе с Крыленко ² и при неожиданном пособничестве генерала М. Бонч-Бруевича ³ была превращена в пустое место, решительно отменялись предложения назвать воссоздаваемую армию «русской» или «народной». Армия должна была быть классовой – отсюда ее название «рабоче-крестьянской». Армия должна была составить авангард мировой революции – отсюда ее название «красной». Член «Высшего военного Совета», представлявшего в начале 1918 г. верховную ступень военного командования, армянин Прошьян ⁴, левый с. р., заявил по поводу названия армии: «Я первый не пойду в армию, которая будет называться русской».

Эти принципиальные решения не мешали впасть в противоречие, выразившееся в формировании частей по национальностям, в частности – в образовании латышских и китайских батальонов, получивших теперь заслуженную славу палачей».

Последнее требует пояснения, ибо тезис об инородческом характере Красной армии был расхожим в антибольшевистской пропаганде, особенно на начальном этапе Гражданской войны.

На самом деле части латышских стрелков, состоявшие из жителей Лифляндской, Курляндской и Витебской губерний, были созданы еще в императорской армии в период Первой мировой войны. В 1916 году они были развернуты в стрелковую дивизию. В декабре 1916 года в дивизии насчитывалось 35 тысяч стрелков, тысяча офицеров. В запасном полку численность личного состава колебалась от 10 до 15 тысяч человек. К осени 1918 года в состав РККА входили 24 тысячи латышских стрелков.

Китайские части в составе РККА формировались в основном из рабочих, завезенных в Россию в период Первой мировой войны. Они играли существенно меньшую роль, нежели хорошо подготовленные в военном отношении латышские части. По нашему мнению, роль китайских частей сильно преувеличивалась противниками большевиков. Определенную роль в этом играли публикации на страницах большевистской печати. Так, 9 мая 1918 года «Правда»

² Николай Васильевич Крыленко (1885–1938), профессиональный революционер, большевик; 9 ноября 1917 года был назначен Верховным главнокомандующим и наркомом по военным делам.

³ Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (1870–1956), генерал-лейтенант; во время Октябрьской революции, будучи начальником гарнизона Могилева, стал первым генералом, перешедшим на сторону советской власти; 7 (20) ноября назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. С марта 1918 года военный руководитель Высшего военного совета, в марте – сентябре 1918-го – высшего военно-стратегического органа управления Красной армией.

⁴ Прош Перчевич Прошьян (1883–1918), один из лидеров партии левых эсеров, нарком почт и телеграфов в Советском правительстве в конце 1917 – начале 1918 года. Подписал наряду с В. И. Лениным, Н. В. Крыленко и другими декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной армии. С 4 по 18 марта 1918 года – политический комиссар Высшего военного совета.

опубликовала воззвание бывшего командира революционного китайского батальона Тираспольского отряда Сан Фуяна, прибывшего в Москву.

Революционеры братья-китайцы! – говорилось в нем. – Кто за освобождение поработанных – в наши ряды! Кто за защиту власти рабочих и крестьян – иди к нам... Товарищи! Все в ряды Красной армии, в ее китайский батальон.

Несмотря на приказ военного комиссариата Москвы от 13 мая 1918 года направлять в формирующийся батальон всех китайцев, служивших в Красной армии, в начале июня он насчитывал лишь 180 человек. В августе 1918 года в Москве был создан штаб по формированию китайских боевых отрядов. Уполномоченные штаба находились в разных городах страны, где имелось китайское население, входили в местные военные комиссариаты. Создаваемые китайские отряды вливались в интернациональные части Красной армии. Видимо, большую роль, чем в центральных районах страны, китайские части играли на Востоке. Осенью 1918 года в боях против чехословацких войск, а затем войск А. В. Колчака принимал участие 225-й китайский стрелковый полк, входивший в состав 29-й стрелковой дивизии 3-й армии. По-видимому, к концу 1918 года в составе Красной армии служили несколько тысяч китайцев. Всего за годы Гражданской войны было создано свыше 250 интернациональных отрядов, рот, батальонов и полков. Общая численность граждан иностранных государств (при вступлении в РККА они принимали гражданство РСФСР) в составе Красной армии в 1918–1920 годах оценивается в литературе в 250–300 тысяч человек.

Вернемся, однако, к записке генерала Геруа:

И если сам народ, отчасти в силу своей исконной пассивности, отчасти в силу своей темноты, еще не в состоянии сбросить с себя иго большевизма, то остается только один путь: прийти к нему на помощь извне. Придти возможно скорее, чтобы спасти страну от превращения в дикий пустырь, а народ – от духовного и волевого обнищания.

Совершенно очевидно, что создавшийся вокруг Совдепии белогвардейский фронт недостаточен для организации настоящего удара по большевизму. Поэтому незамедлительное вмешательство держав Согласия является совершенно необходимым. Прежде чем переходить к возможным формам этого вмешательства, посмотрим, что представляет из себя в настоящее время в военном отношении обций противник культуры – Советская Россия.

Как уже было упомянуто выше, большевики, едва успев развалить старую армию, обратили исключительное внимание на образование новой. Они понимали, что без казенного орудия принуждения, проданного им и поставленного в условия преданности, им не удержать власти. Латышей и китайцев не могло хватить на всю Россию, не говоря уже про то, что на Совдепию напирал со всех сторон и внешний враг.

Весной 1918 года было решено создать миллионную армию, а осенью – уже трехмиллионную, причем введена общеобязательная воинская повинность. Приступлено к всеобщему воинскому обучению. Открыт целый ряд курсов и школ для подготовки «красных» офицеров. В пользу армии делались специальные поборы – деньгами и вещами. Митинги посвящались главным образом военному положению Совдепии и идее создания крепкой, многочисленной и политически послушной советской армии. Интенсивная мобилизация людей в возрасте от 23 л[ет] до 40 л[ет] (людей, «не эксплуатирующих чужого труда») не дала, однако, желательной численности. Объясняется это ненадежностью учетного аппарата и

массовым дезертирством. К началу 1919 года в армии вместо полагающегося миллиона состояло не более 500 000 человек, из них настоящего боевого элемента около 300 000. Едва ли и впредь мобилизационные расчеты большевистского Главного Штаба оправдаются в полной мере.

Боевая надежность армии характеризуется следующими данными.

Организация продолжает носить незаконченный характер. Штабы не заполнены. В пехотном полку должно быть 3581 чел., а налицо нередко состоит менее одной тысячи. По сведениям, к началу января в одном из полков 18-ой дивизии состояло всего 100 человек. Множество мелких, случайных и совершенно ненужных отрядов и команд. Есть такие, в которых «кормятся» только ловко пристроившиеся штабы отрядов или команд, а остальной личный состав месяцами и безнадежно «ожидается». В 6-ой армии, кроме двух дивизий, числилось 11 отдельных отрядов численностью от 50 до 1600 человек.

Снаряжение и одежда удовлетворительны, но вооружения не хватает, хотя и считают, что налицо имеется 1 100 000 винтовок. Заводы изготовляют ничтожное количество новых винтовок. В декабре повсюду были расклеены воззвания о сдаче оружия в районные советы всеми «партийными товарищами и организациями». Явный показатель недостатка в армии вооружения.

Кавалерии почти не существует: нет лошадей. Еще в октябре прошлого года центральная власть искала такого ремонтного ⁵ генерала, который сумел бы поставить в армию тысяч 15 лошадей.

Недостаток запряжек, особенно в парках, является причиной слабой численности артиллерии. Насчитывалось, в общем, немного более 1000 орудий на все фронты, но число действующих меньше. Артиллерийских офицеров, умеющих вести огонь, очень мало. Артиллерия преимущественно в невежественных руках.

Инженерные войска распланы в виде мелких частей. Все в состоянии незаконченного формирования.

Внешний вид армии, по сравнению с положением в середине прошлого года, улучшился. Но дисциплина по-прежнему условная. Сам видел части, идущие на фронт вразброд со стрельбой из строя на ходу вверх, – к ужасу прохожих. На фронте применяется только одно наказание – расстрел. В случаях непослушания он применяется обязательно. Поэтому такие случаи редки.

Комитеты уничтожены в строевых частях, в тыловых учреждениях, а также в центральных военных управлениях, но зато в строевых частях введены недавно «партийные коллективы» – институт [одно слово неразборчиво] комитетов. Так как это главным образом политический институт, то о нем ниже, когда я буду говорить о политической надежности армии. Функции комитетов сосредоточены в лице комиссаров – где одиночных, где парных, а отчасти переданных «партийным коллективам». Комитеты были выброшены из армии во имя признанного принципа единоначалия. С ними пало и выборное начало. Но вне армии сохранены и комитеты, и

⁵ *Ремонтер* – должностное лицо военного ведомства, офицер, производивший ремонт, то есть пополнение (обычно – закупку) убыли лошадей для войск.

выборное начало. Без этого рабочие и крестьяне могли бы легче выйти из рук. Комиссары назначаются, а не выбираются.

Командование. Комиссары, надзирающие за военными специалистами, невежественны в военном отношении, не исключая и верховного надзирателя – Троцкого, который, нахватавшись верхов, все же остался совершенно несведущ в чисто технической области; комиссары не скрывают своего недоверия к приглашенным специалистам и не могут не сознавать, что они по военным вопросам в руках этих специалистов; в своих речах вожаки выражают уверенность, что «в недалеком будущем» на смену «белогвардейским офицерам-предателям» придут «красные командиры», лихорадочно изготавливаемые на многочисленных офицерских курсах, а из этих верных советской власти офицеров получатся и «красные генералы». Пока же комиссарам, комплектуемым нередко из числа полуграмотных солдат и бойких рабочих, развязно берущихся за абсолютно неизвестное им дело, приходится играть жалкую и презренную роль; даже подсматривание за личным составом – то есть основная их задача – не может выполняться ими осмысленно, настолько они несведущи в военных вопросах. Все сводится к мелочным придиркам, имеющим целью проявить власть и отстоять достоинство комиссара. В крупных же вопросах этих «товарищей» можно провести как угодно и получить их подпись на любое распоряжение, существенно расходящееся с интересами советского правительства.

Мне известны случаи намеренной засылки воинских эшелонов не туда, куда нужно, бессмысленного сосредоточения военных запасов, преступного, с точки зрения большевистских интересов, проектирования укреплений и т. п. Все подобные распоряжения были утверждены и одобрены комиссарами, причем в некоторых случаях – самим Троцким.

В одном из центральных военных управлений, отвечающих прежнему управлению Генерала Квартирмейстера Генерального Штаба, мне случилось наблюдать комиссара из латышей. Он сидел в очень большом кабинете, читал газету, говорил по телефону с другими латышами, но я не заметил, чтобы он принимал какое-либо участие в работе управления. Он откровенно чувствовал себя на одном из наблюдательных пунктов большевизма, не более.

Военные специалисты – старший и средний командный состав – работают в громадном большинстве, я сказал бы, конфузясь. Это кладет на все распоряжения отпечаток нерешительности, вялости, неискренности. Но нельзя закрывать глаз на то, что люди, втягиваясь в дело, мало-помалу, в силу прежних привычек начинают работать как следует, а иногда даже и с увлечением. Этому способствует и создавшаяся атмосфера безнадежности: переживаемая вначале душевная драма с течением времени уступает место апатии, а для некоторых характеров – нездоровому озлоблению, которое переходит в желание поддержать большевиков против недостижимых и тщетно ожидаемых избавителей. Таким образом, командный состав представляет собою как бы гарнизон большевистской крепости, большая часть которого готова изменить, часть же, изверившаяся в активность осаждающего, решилась, чтобы улучшить свое положение, на вылазку и на бой с ним.

Пусть осаждающий учит этот перелом в психологии осажденного и все значение времени для подобного перелома.

Нужно понять еще, что переход целых и притом крупных частей на Белую сторону почти невозможен вследствие трудности подготовить соответствующее настроение солдат, особенно без нажима извне; переход же отдельных лиц командного состава, уже принимавших участие в гражданской войне на стороне красных, невозможно по другой причине: их ждет расправа белых. В результате создается или настроение отчаяния, заставляющее людей желать победы большевикам, или стадное чувство, при котором кажется, что выгоднее не отделяться, держаться в кучке и спасительнее нести один массовый ответ.

Наконец, несомненно существует и такая часть командного состава, которая сразу ухватилась за возможность сделать так называемую «революционную» карьеру. Среди таких есть и старые, и молодые. Тип слишком хорошо известный, пока еще не подаривший большевикам Бонапарта.

Низший командный состав складывается из офицерства прапорщицкого типа и из новых «красных» офицеров. Среди первой, старой категории немало людей с «белогвардейской» душой; в общем же это народ усталый, серый и пассивный. Вторая категория, которую довольно успешно изготовляли упомянутые выше курсы, угрожает развернуться в кадр бодрых, большевистски настроенных и достаточно сведущих офицеров.

И здесь время играет первостепенную роль. Чем дальше позволит развиваться этому институту, тем более окрепнет армия в качестве чисто большевистского орудия. При полной или относительной политической безучастности старшего командного состава, удаляющей его от солдата, какое громадное значение будет иметь офицерская молодежь, равномерно вливая в ряды с большевистской «словесностью» в кармане?

В общем итоге о боевой надежности армии можно сказать, что за год достигнуто в этом смысле много: главное, переход к единоначалию, повышение дисциплины, некоторое подобие внутреннего порядка, освежение младшего командного состава.

Тем не менее армия сохраняет еще все черты иррегулярных войск. Лучшие всего это вырисовывается в тактике. Войска не ведут войны, а выходят «на работу». Отработав, стихийно возвращаются на квартиры, жмуциеся обыкновенно к железной дороге. Служба охранения и разведки случайна и совершенно ненадежна. Рыть основательный окоп красноармейцу лень. Крайняя подверженность панике, чему способствуют самочинные и ложные донесения, посылаемые неизвестно кем помимо начальников по железнодорожному проводу. При первых тревожных признаках стремление к «эвакуации» и к подрыванию сооружений и складов (чисто пассивные тенденции). Необыкновенная любовь к разным техническим средствам вроде бронированных поездов, броневых автомобилей и суеверное упование на них или, наоборот, страх перед ними. Из плюсов – способность к частному порыву, если есть личный пример и пылкий предводитель.

В заключение опять-таки приходится подчеркнуть элемент времени; с течением времени картина может и даже должна измениться в сторону улучшения армии. За первый год строительства она получила некоторую определенную форму, не считаться с которой было бы опрометчиво. Уже теперь нужно стремиться бить эту армию регулярством, то есть качеством. Пройдет еще год – понадобится не только стройная организованность действий, но и превосходные силы.

Политическая надежность Красной армии характеризуется негласным, но всеми видимым делением ее на верных и неверных; о первых усиленно заботятся, о вторых – весьма условно, включительно до того, что на дезертирство этой второй категории солдат смотрится сквозь пальцы. Хотя, с другой стороны, дезертирство с фронта достигло таких размеров, что в Москве недавно образована особая комиссия для выработки мер по прекращению этого явления. Отбор верных и обработка неверных вручена большевистским ячейкам, установленным в каждой отдельной боевой части; эти ячейки получили название «военных партийных коллективов» и по существу являются, как уже отмечалось, отделениями, чрезвычайно вкрапленными в войска. В инструкции коллективам указано, что они «не являются формальной властью, но ведут работу в самом тесном контакте с военной властью». Контакт этот выражается в тщательном надзоре за командирами и за политической благонадежностью остального личного состава; для исполнения этой функции избирается каждым коллективом «осведомительное бюро» из 3-х лиц, заседающих ежедневно. Таким образом, создана скрепа, имеющая целью уберечь армию от политического развала, на возможность чего, очевидно, были веские указания. Возникавшие волнения носили, впрочем, чисто животный характер и усмирялись отпуском того или иного продукта и обещаниями на будущее.

Части, признанные целиком ненадежными, то есть способными выйти на улицу с оружием, распускаются или отправляются на фронт (вроде полка городской охраны в Петербурге – бывшего Семеновского).

В общем, за армией центральная власть смотрит в оба и, несмотря на далеко неполную устойчивость красноармейцев в политическом отношении, держит их в послушании. Агитация, коллективы и подачки делают свое дело.

Геруа вполне справедливо отмечал низкий уровень дисциплины и морально-политической подготовки Красной армии. Столь же справедливо он писал о том, что армия все еще мало напоминает регулярную, указывал на отсутствие кавалерии и другие недостатки. В то же время он предупреждал: «пройдет еще год», и для победы над большевиками «понадобится не только стройная организованность действий, но и *превосходные силы*». И в самом деле – не прошло и года, как кавалерия, прежде всего Первая конная армия, сводный конный корпус Бориса Думенко и др., стала ее ударной силой. И важнейшую роль в том, что Красная армия оказалась способной нанести поражение войскам белых, возглавляемым опытными военачальниками, сыграли вовсе не «инородцы» и не «рабочие и крестьяне», а бывшие офицеры царской армии (кадровые и офицеры военного времени), именуемые большевиками «военными специалистами». В том числе бывшие сослуживцы Бориса Геруа.

В заключение – несколько слов о судьбе Бориса Геруа. В начале 1919 года он был направлен генералом Н. Н. Юденичем в Англию, где занял должность председателя Особой военной миссии по оказанию материальной помощи армиям белых. Видимо, оттуда наезжал в Париж и участвовал в заседаниях Русского политического совещания. После ликвидации деятельности миссии в 1920 году поселился в Лондоне, в очень неплохом районе – Челси. В эмиграции вновь стал заниматься живописью, продолжил художественное образование в школах Челси и Слейда. Развелся с женой. Во время учебы в Школе искусств Челси познакомился и сошелся с Доротой Баркворт. Писал портреты, пейзажи, занимался книжной графикой. Участвовал в выставках Королевского общества художников-портретистов. Его картины – на мой вкус, вполне симпатичные – находятся в нескольких музеях не первого разряда, иногда продаются на аукционах. В 1935 году Геруа был избран действительным членом Королевского общества поощрения художеств. Печатал статьи по военным вопросам в специализированном

эмигрантском издании «Вестник военных знаний». Писал мемуары, которые сопровождал собственными рисунками.

Борис Геруа скончался 28 февраля 1942 года в Сент-Мэри (Девоншир) и был похоронен на местном кладбище. В 1969-м, посмертно, были опубликованы его мемуары (*Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни: В 2 т. Париж: Танаис, 1969*). Мемуары весьма интересные, но, к сожалению, не охватывают период его службы в Красной армии и жизнь в эмиграции.

Зато внучатый племянник Дороти, Джон Элверсон, сын британского офицера, родившийся в Кении, разводивший скот в Ботсване, затем основавший компанию, которая производила нечто, связанное с компьютерами, и завершивший трудовую деятельность в крупной компании по производству авиационных двигателей в Шотландии, в 2018 году выпустил книгу о жизни Бориса Геруа. Книга называется «*To Serve the Russian Empire: The Autobiography of Boris Néroys*» («На службе Российской империи: Автобиография Бориса Геруа»). В основу книги легли, кроме воспоминаний самого Геруа, записи Дороти, а также заметки внуков Бориса – Клода и Александра. Элверсон счел биографию Бориса Геруа эпической, вдохновляющей и пробуждающей у читателя мужество, преданность стране и смелость воплотить в жизнь самые захватывающие мечты. Если самой захватывающей мечтой генерал-майора Генерального штаба Бориса Геруа было стать живописцем средней руки, то жизнь, в общем, удалась. Я не иронизирую: счастье у каждого свое.

ГЕНЕРАЛ АНТОН ДЕНИКИН

Генерал Антон Деникин – несомненно, один из самых выдающихся деятелей антибольшевистского военного движения, выдающихся не только в военном и политическом отношении, но и в интеллектуальном плане. Он был главнокомандующим Вооруженными силами Юга России в период их наибольших успехов и в то же время – наибольшего позора: позора еврейских погромов, массовых грабежей и разложения. Войска под командованием генерала Деникина достигли значительных успехов в борьбе с большевиками и ближе всего подобралась к Москве. И им же было суждено потерпеть одно из самых сокрушительных поражений, сопоставимых с катастрофой Белого движения в Сибири. Но деникинская катастрофа ярче запечатлелась в памяти современников – очевидно, вследствие того, что деникинские войска всего за несколько месяцев до крушения действовали особенно успешно в сравнении с любыми другими противниками большевиков.

Биография Деникина необычна и во многом опровергает стереотипные представления об императорской России. Отец будущего царского генерала Иван Ефимович Деникин родился в семье крепостных аж в 1807 году. До наполеоновского нашествия! Помещик сдал Ивана Деникина в 27-летнем возрасте в рекруты, и он 22 года прослужил в русской армии рядовым. Потом сдал экзамены на первый офицерский чин и был произведен в прапорщики. Служил в Царстве Польском. В 1869-м вышел в отставку майором пограничной стражи. Женится на Елизавете Вржесинской (1843–1916), происходившей из семьи разорившихся шляхтичей и зарабатывавшей на жизнь шитьем. Причем ей приходилось содержать и себя, и своего престарелого отца. Нетрудно подсчитать, что отставной майор был старше жены на тридцать четыре года. Антон родился в 1872 году, когда отцу исполнилось шестьдесят пять лет. Отчасти он пошел по стопам отца: женился поздно, когда ему шел сорок шестой год, на женщине моложе его на двадцать лет. Вначале он познакомился на охоте с отцом своей будущей жены, и тот пригласил его на крестины новорожденной дочери. Когда девочке исполнилось три года, молодой офицер Антон Деникин подарил ей куклу. Предложение Ксении Чиж Деникин сделал в 1916 году, уже будучи генералом. Но то война, то революция, то заключение в тюрьме – жениться было недосуг. В конце концов они обвенчались 25 декабря 1917 года: война войной, а любовь любовью.

Вернемся, однако, в русскую Польшу конца XIX века, в городок Влоцлавек (Влоцлавск) Варшавской губернии. Будущий русский националист, несгибаемый сторонник сохранения «единой, неделимой» России, генерал Деникин, как мы только что выяснили, был наполовину поляком. В детстве говорил с отцом по-русски, с матерью – по-польски. Впоследствии знание польского языка очень помогло, когда в 1917 году, пробираясь на Дон, он выдавал себя за польского помещика. Антон Деникин рос в нищете. Отец получал пенсию 36 рублей. Семье не хватало денег до конца месяца, отцу приходилось занимать, потом возвращать, потом опять занимать, и далее по кругу. После смерти отца в 1885 году пенсия, которую выплачивали матери,

сократилась до 20 рублей. То есть жизнь Антона была тяжелая и не слишком радостная, но Деникин-младший всегда мечтал, как отец, стать офицером. Однако для этого необходимо было получить образование.

Антон упорно учился в начальной школе, потом в реальном училище. С 13 лет подрабатывал репетиторством. С детства Деникин еще и писал – как водится, стихи, которые посылал в столичный журнал «Нива». Вот одно из его стихотворений, написанное в 13–14-летнем возрасте: «Зачем мне жить дано, без крова, без привета? Нет, лучше умереть, ведь песня моя спета». Однако редакцию его творчество не впечатлило. Писал также сочинения для своих одноклассников-поляков. Причем не за деньги, а просто по-товарищески. И, вероятно, «из любви к искусству». По несколько штук на разные темы. Один раз учитель сказал кому-то из облагодетельствованных им соучеников: «Признайтесь, это писали не вы, а какой-нибудь варшавский студент».

Материальные проблемы в конце концов решили, сдавая квартиру восьми ученикам училища. Делать это можно было только с разрешения директора училища. Оно было получено, причем самого Деникина назначили старшим по комнате. Этому способствовала репутация прилежного ученика, в особенности по математике. Антона даже прозвали Пифагором. Деникин закончил реальное училище в Ловиче с отличными отметками по математике, что позволяло ему без проблем поступить в высшее техническое учебное заведение. А в то время должность инженера сулила не только прочное положение в обществе, но и очень приличные деньги. Однако Антон избрал карьеру военного. Окончив военно-училищный курс при Киевском пехотном юнкерском училище в 1892 году, подпоручик Деникин был назначен во 2-ю артиллерийскую бригаду, расквартированную в уездном городе Бела Седлецкой губернии, в полутора сотнях верст от Варшавы. Это было захолустье. Поначалу Деникин получал 51 рубль жалованья. Правда, денежное содержание довольно быстро выросло, ибо его карьера на военном поприще, хотя и не без сложностей, была довольно успешной.

Деникин стал православным не только по требованию закона, но и по велению души, определившись уже в подростковом возрасте. «С 9 лет я стал церковником, – вспоминал он много лет спустя. – С большой охотой прислуживал в алтаре, бил в колокол, пел на клиросе, а впоследствии читал Шестопсалмие и Апостола». Позднее Деникин прошел «все стадии» религиозных «колебаний и сомнений». Он очень подробно описывает в мемуарах, как они с одноклассниками обсуждали проблемы бытия Бога – ни больше ни меньше. В седьмом классе училища Антон

буквально в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению:

– Человек – существо трех измерений – не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и православие.

В 1895 году Деникин поступил в Академию Генерального штаба. Это было очень непросто. Возможности были равные, но конкурс огромный. Первичные экзамены при штабах военных округов сдавали 1500 офицеров. К Генеральному штабу в итоге причислялись 50 человек, половина академического выпуска – 3,3 процента от исходного числа претендентов. Деникин поступил с первого раза. Однако после первого курса сдал экзамены не очень хорошо и был исключен. Тогда он снова сдал экзамены и вновь поступил! На этот раз окончил курс с хорошими отметками, был произведен в капитаны и причислен к Генеральному штабу. Однако новый начальник Академии генерал Николай Сухотин (друг военного министра А. Н. Куропаткина) пересмотрел правила подсчета баллов, и Деникин вместе с еще тремя офицерами в «причисленные» не попал.

Тогда Деникин подал жалобу на Высочайшее имя. Это был колоссальный скандал. Чтобы замять дело, Куропаткин согласился предоставить всем четверым вакансии по Генеральному штабу – с условием, что они напишут прошение, а Деникин отзовет жалобу. Деникин на это не пошел. Трое остальных написали и были причислены. Деникину пришлось выдержать серьезное давление. На представлении (которое было задержано из-за деникинской жалобы) выпускников всех военных академий императору во дворце академическое начальство опасалось, что Деникин пожалуется непосредственно царю. Когда император в сопровождении Куропаткина подошел к Деникину и спросил: «Ну, а вы как думаете устроиться?» – то получил ответ: «Не знаю. Жду решения Вашего Императорского Величества». Куропаткин доложил: «Этот офицер... не причислен к Генеральному штабу за *характер*». Деникин ничего не сказал... Николай II «нервно обдернул аксельбант», задал два малозначащих вопроса и пошел дальше. Характер в самом деле у Деникина имелся.

Деникин вернулся в свою бригаду. Прошло года два, страсти улеглись, и он вдруг решил написать личное письмо Куропаткину с объяснением всей этой истории, и написал не по уставу, а как частному лицу, обращаясь к нему по имени-отчеству: «Алексей Николаевич». Страсти к тому времени поостыли, Куропаткин прочел письмо, направил запрос в Академию (генерал Сухотин уже не был ее начальником), верно ли то, о чем написал Деникин; там подтвердили, что Деникин написал правду. И Куропаткин на первой же аудиенции у государя, «выразив сожаление, что поступил несправедливо», испросил повеление причислить Деникина к Генеральному штабу. У военного министра тоже был характер.

Вскоре капитана Деникина перевели в штаб 2-й пехотной дивизии как причисленного к Генеральному штабу.

Политические воззрения Деникина, которые он сохранил по крайней мере до революции 1917 года, сложились в годы учебы в Академии Генерального штаба. Как признавался позднее будущий вождь Белого движения, он «приял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма». «В широком обобщении» этоприятие привело Деникина «к трем положениям: 1) Конституционная монархия, 2) Радикальные реформы и 3) Мирные пути обновления страны».

Как мы знаем, хуже всего обстояло дело с мирным обновлением.

Деникин прошел все ступени военной лестницы: командовал ротой, батальоном, полком, служил на штабных должностях. Служил в Варшаве, откуда «отпросился» на Русско-японскую войну, где себя блестяще проявил. Участвовал в Мукденском сражении. Особенно отличился в должности начальника штаба Урало-Забайкальской дивизии генерала П. И. Мищенко, которая специализировалась на конных рейдах в тыл противника. Деникин закончил войну в чине полковника, был награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантами и Святой Анны 2-й степени с мечами.

В 1907–1910 годах служил в Казанском военном округе в должности начальника штаба 57-й пехотной резервной бригады в Саратове. В 1910–1914 годах командовал Архангелогородским пехотным полком, базировавшимся в Житомире. Деникин был идеальным служакой. Но не только. Склонность к литературе никуда не делась. В 1898 году в военном и литературном журнале «Разведчик» был напечатан его первый рассказ. Впоследствии Деникин под псевдонимами И. Ночин и Иван Ночин опубликовал десятки статей и очерков в «Варшавском дневнике», «Офицерской жизни», «Военном сборнике», «Русском инвалиде». Но чаще всего он печатался в «Разведчике», в разделе «Армейские заметки».

Деникин выступал за улучшение системы отбора и подготовки командного состава, против бюрократизма, подавления инициативы, грубости и произвола по отношению к солдатам; ряд статей он посвятил анализу сражений Русско-японской войны, в которых участвовал лично. Указывал на германскую и австрийскую угрозу, считал необходимым проведение ско-

рейших реформ в армии; в 1910-м предлагал созвать съезд офицеров Генштаба для обсуждения проблем армии; писал о необходимости развития автотранспорта и военной авиации.

В июне 1914 года, менее чем за месяц до начала мировой войны, Деникин был произведен в генерал-майоры и назначен на должность генерал-квартирмейстера 8-й армии, которой командовал генерал Алексей Брусилов. Вскоре после начала Первой мировой Деникин попросился в строй и в конце августа 1914 года был назначен командиром 4-й бригады «железных стрелков». Позднее бригада была преобразована в дивизию. «Железные стрелки» отличились во многих сражениях 1914–1916 годов, их бросали на наиболее трудные участки, так что они даже получили прозвище «пожарная команда». За отличия в боях Деникин был награжден Георгиевским оружием, орденом Святого Георгия 4-й и 3-й степеней. За прорыв неприятельских позиций во время наступления Юго-Западного фронта в 1916-м и взятие Луцка он был вновь награжден Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами, и произведен в генерал-лейтенанты. В сентябре 1916 года Деникин стал командующим войсками 8-го армейского корпуса.

Военная карьера Деникина продолжала идти по восходящей и после Февральской революции. В апреле 1917 года он был назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего, в мае – главнокомандующим армиями Западного фронта, в июле – главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. На офицерском съезде в мае 1917 года выступил с резкой критикой политики Временного правительства, ведущей к развалу армии. На совещании в Ставке 16 июля в присутствии членов Временного правительства Деникин выступил с речью, в которой сформулировал программу укрепления армии из 8 пунктов, фактически он потребовал отмены демократических преобразований. Среди прочего Деникин предлагал «создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации». В будущем подобного рода формирования назовут заградотрядами. Среди его предложений было также введение военно-революционных судов и смертной казни на фронте и в тылу за тождественные преступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.